

Лариса Лозани

Всегда бывает
первый раз

Лариса Райт

**Всегда бывает
первый раз (сборник)**

«ЭКСМО»

2014

Райт Л.

Всегда бывает первый раз (сборник) / Л. Райт — «Эксмо», 2014

Чтобы прийти к цели, нужно не побояться сделать самый первый, самый трудный шаг. Натка, приехавшая за границу вслед за мужем, не готова шагнуть в новый для себя мир. Она чувствует себя потерянной и ненужной собственной семье. Страх мешает ей действовать, но знакомство с эксцентричной испанкой Паолой переворачивает все с ног на голову. Вот только куда приведет Нату избранная дорога?..

Содержание

Всегда бывает первый раз	6
Пролог	6
Урок 1	10
Урок № 2	16
Урок № 3	26
Урок № 4	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Лариса Райт

Всегда бывает первый раз (сборник)

© Ройтбурд Л., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Всегда бывает первый раз

Повесть

Пролог

– Только у нее своеобразный метод обучения, – хихикнула Паола и замолчала.

– Действенный? – Натка заерзала на стуле. Она не любила ничего необычного и своеобразного.

– Верняк, – подбодрила Паола и выразительно посмотрела на часы. Видимо, подробно распространяться об основах сногшибательного метода у нее не было времени.

– Ладно, – Натка со вздохом поднялась, пряча в сумочке листок с телефоном. – Пойду.

Паола молча кивнула и углубилась в чтение лежащих перед ней документов. Потом все же подняла голову и посоветовала еще раз уже уходящей Натке:

– Позвони.

– Хорошо.

Натка вышла из офиса подруги, шумно, но как-то уныло втянула в себя воздух синего неба и яркого солнца и упрямо подумала: «Я никогда не привыкну». За два квартала до дома она, как обычно, заглянула в булочную.

– Como estás?¹ – радушно улыбнулась ей из-за прилавка сеньора Бланкес.

Натка тоже улыбнулась, радуясь тому, что вежливость хозяйки не требует подробного ответа. Натка, если б и хотела поговорить, все равно не смогла бы. За несколько месяцев испанской жизни в ее активе появилось слов десять, не больше. Все, что она может себе позволить, – это кивнуть и застыть у витрины, рассматривая румяные, хрустящие чуррос, пышные, посыпанные пудрой и орешками магдаленас, маслянистые круассаны и шоколадные, манящие своим дивным ароматом, замечательно вредные кексы.

Натка приходила в эту кондитерскую каждый день: выбирала сразу два пирожных и запивала их горячим, очень крепким кофе. Она поправилась на три килограмма, потому что заедала стресс. Стресс оттого, что, кроме этой кондитерской, ей больше некуда было идти. Нет, днем, конечно, можно съездить за сыном в школу. Потом подбросить его на теннис, или плавание, или к приятному парнишке Пепе, который сразу превратился в закадычного друга Валерки. Натке бы это детское умение дружить самозабвенно и без оглядки.

Сына она возила первые две недели. А потом тот сказал, что «на велике удобнее, и ваще...». Натка хотела уточнить, что могло означать это «ваще», но передумала. Какая разница, главное – ребенок освоился. Ниночка тоже, что называется, вошла в струю. Через месяц после приезда отправилась посмотреть Барселону и «смотрит» до сих пор. Поступила в колледж дизайнера (умница, конечно!), поселилась в общежитии и, приезжая на выходные с молодым человеком (волосы длинные, глаза пустые), просит называть ее Алехандрой.

– Что это вдруг? – возмутилась сначала Натка.

– Слово «Нина» похоже на «нинья», а это как английское беби. Я вам что, малышка какая-то?

– Выходит, в языке уже поднаторела, – сделала вывод Натка и не ошиблась.

Нина беспрерывно стрекотала со своим длинноволосым, шумно смеялась, подобно истинным аборигенам, и вставляла в быструю речь междометия так искусно, будто родилась в Испании.

¹ Как поживаете? (исп.).

– Классно, мамочка, – говорила она, – что засунула меня в школе на факультатив по испанскому языку.

Натка подливала «длинным волосам» гаспачо («Ну надо же! Почти такой же, как у его маман!») и думала о том, что лучше бы засунула на этот факультатив себя. Ниночка бы и без него справилась. А Натка пропадает, хиреет на глазах от безделья и тоски. Думает о том, что никому тут не нужна со своим арабским. А уж если совсем честно, то и без арабского она никому не нужна. Нет, хиреет она, конечно, психологически, а внешне, наоборот, растет как на дрожжах и даже в руки себя взять не пытается. Если так будет продолжаться и дальше, то Натка из стройной симпатичной женщины превратится в неуклюжую клушу.

Клушей Натка становиться не хотела, а потому, уничтожив круассан и парочку чуррос, вернулась домой и решительно положила перед собой листок с нацарапанным Паолой телефоном. Она набрала номер и, услышав на другом конце провода чистейшую русскую речь, испытала чувство, близкое к экстазу. Так, наверно, ощущает себя странник в пустыне при встрече с оазисом или утопающий, к которому наконец подросла шлюпка.

Механический голос вежливо попросил ее представиться и сообщить цель звонка, пообещав оказать содействие, необходимую помощь и бла, бла, бла. С техникой Натка не дружила, но, выполнив рекомендации автоответчика, уже через пять минут с удивлением записывала на своем листочке дату и время назначенного роботом приема. Она прикрепила листок на холодильник и прошептала, едва сдерживая волнение:

– Послезавтра.

Через день Натка явилась по указанному автоответчиком адресу на десять минут раньше, замялась возле двери, пытаясь представить, что ожидает ее внутри. Воображение упорно рисовало сухонькую строгую старушку в очках и непременно с указкой, которой та станет бить ученицу по рукам за нерадивость. Картина получилась настолько реальной, что Натка невольно вздрогнула, когда тяжелая дверь распахнулась и из нее навстречу посетительнице выкатилась полная, ухоженная дама лет шестидесяти. Выкатилась в буквальном смысле слова, потому что ее ноги стояли без движения на подставке инвалидной коляски.

Натка ойкнула и прикусила язык, ругаясь про себя на Паолу: «Могла бы предупредить».

– Проходите. – Голос у дамы оказался низким, с приятной хрипотцой, и Натка подумала о том, что женщина, должно быть, красиво поет. «Как только заговорю, попрошу научить меня парочке народных песен. Если что, выйду к ратуше зарабатывать. Вряд ли испанцы расщедрятся на Высоцкого и Окуджаву. Так что придется выучить какое-нибудь местное «ай-не-не».

Под навязчивый аккомпанемент собственных мыслей Натка, не заметив того, очутилась за кухонным столом. Перед ней стояла чашечка горячего эспрессо и блюдо с хрустящими чуррос. Натка огляделась вокруг. До сих пор ей еще не удалось побывать ни на одной испанской кухне, кроме собственной. А свою, конечно, она таковой не считала. Эта – первая – могла, пожалуй, удовлетворить запрос любого, даже самого пристрастного ценителя местного колорита. Посреди длинной гранитной столешницы стояла подставка с надрезанным куском хамона, голубой фартук из мелкой мозаичной плитки был практически не виден за многочисленными полочками, уставленными жбанами, банками, баночками и практически мензурками с различными специями. На противоположной стене, достаточно низко для того, чтобы хозяйка могла самостоятельно дотянуться до них, висели разнокалиберные сковороды для паэль. Женщина поймала Наткин взгляд и объяснила:

– Самая большая для гостей. Для них я делаю валенсийскую с курицей. Беспроегрышный вариант. Все едят, и всем вкусно. Средняя на двоих. Мы с мужем предпочитаем морскую. Только я, в отличие от местных поваров, не кладу лангустининов. – Она понизила голос до шепота, будто делилась с гостьей величайшим секретом: – По-моему, нет ничего ужасней, чем отделять их тушку от панциря.

– О... – глубокомысленно изрекла Натка. Ей-то казалось, что на свете существует множество более ужасных вещей.

– А самая маленькая для дочери. Она у нас вегетарианка.

– Да? Моя тоже с приветом, – не подумав, ляпнула Натка и прикусила язык. Судя по всему, ее визави владела русским достаточно хорошо, чтобы понять всю бестактность данного заявления. Но хозяйка расхохоталась, ничуть не обидевшись.

– Да нет, моя вроде нормальная. Мясо ест, только отдельно от риса. – И не делая паузы: – Натка – это Наташа?

– Нет, Натка. Мой папа поляк.

– Хорошо.

«Что хорошего? Любовь к иностранцу в Советском Союзе – это очень плохо. А еще хуже внезапная беременность, расставание навсегда, ярлык «безотцовщина» на ребенке. Да еще и имя это дурацкое: «Натка». «Я его очень любила», – вот мамины объяснения». Она-то уже отлюбила, а Натка все еще мучается. Что тут скажешь? И сказать-то нечего, кроме как...

– Хорошо.

– Наверное, Натка, нам стоит начать.

Она поежилась. Почувствовала, как уже спрятавшийся комочек волнения снова зашевелился, подкатился к горлу и затрепыхался беспомощно. «Сейчас начнет экзаменовать: прочтите то, переведите это. Всегда неприятно обнаруживать свою несостоятельность, а мне неприятно вдвойне. Мастер слова, а со словами не дружит». Хозяйка выехала из кухни и тут же вернулась. На коленях она держала кипу печатных листов.

– Ни учебников, ни тетрадей, – объявила она. – В них сплошная теория, а от нее мало толку. Вот это, – она кивнула на листы, – другое дело.

– А что это?

– Жизнь, дорогая. Языку может научить только жизнь. Пособия, таблицы, экзамены, сертификаты – бессмыслица, на которую тратится уйма времени.

– А это краткий курс?

– Более чем. Впрочем, это зависит от вас. Здесь всего восемь уроков. Кто-то осваивает за месяц, а кому-то и года мало. Держите, – она протянула Натке листы. – Вернете при случае.

– Что? Я не понимаю? То есть как «при случае»?

– Вы хотите выучить язык или нет?

– Да. Конечно!

– Тогда берите и осваивайте. Задания придется переводить. Да и все остальное зависит, в общем, от вас.

– А вы?

– Я свое дело сделала: снабдила вас материалом. Ваша задача правильно им воспользоваться.

– А у меня получится?

– Не знаю, – женщина засмеялась, и Натка подумала, что, возможно, инвалидом ее сделал кто-то из бывших учеников. – Вы должны соблюдать только одно правило.

– Какое?

– Выполнять все задания самостоятельно.

«Черт! Я-то надеялась, что буду надрываться здесь, а с домашним заданием выручит Паола, или Ниночка (она хоть и с приветом, но в помощи матери не откажет), или даже Андрей (нет, Андрей вряд ли, у мужа теперь никогда нет времени на Наткины глупости)».

– Я попробую.

– Вот и славно. Съешьте еще один чуррито, и разойдемся страшно довольные друг другом.

«Ну, это сильно сказано».

– Пока вы мне не верите. Но все течет, все изменяется.

«Ведьма, – подумала Натка. – Мысли читает. Может, освоив ее метод, и я так смогу.

Тогда буду не просто считать, что вижу любимого мужа насквозь, а знать наверняка».

Натка послушно съела пончик и направилась к выходу. У двери не выдержала, спросила:

– Почему мы сидели на кухне?

– Это очень по-русски. Мне нравится.

– Но не по-испански.

– Нет. По-испански будет потом.

– А будет?

– Обязательно. Должна же я показать вам свой свадебный альбом.

Дверь за Наткой захлопнулась. Комок волнения бесследно растаял, настроение казалось приподнятым и даже веселым. Странная женщина, как выяснилось, совершенно нормальная испанка, желающая каждого гостя усадить в уютное кресло посреди гостиной и заставить его пристально изучить свой свадебный альбом, снабжая каждую фотографию не пространством кратким комментарием, а подробным повествованием о «самом чудесном дне в моей жизни и годах подготовки к нему».

«Она мне расскажет, – ясно почувствовала Натка и неожиданно для самой себя добавила еще одну мысль: «На испанском». Она ощутила воодушевление, листы жгли руки и требовали немедленного изучения. Но прошло еще несколько часов, прежде чем Натка, избавившись от домашних хлопот, разложила перед собой бумаги и погрузилась в чтение.

Урок 1

«Переведите текст и выучите его наизусть», – прочитала она первое, написанное по-русски задание и с тоской подумала: «Тоже мне новаторство. Революционный метод! Я-то думала. Все знают, что иностранный язык – это зубрежка. Шарлатанка она, а не Долорес Ибарури. Сейчас прочитаю: «Здравствуйте. Меня зовут... Мне... лет». Да здравствует Гугл!»

Первая же переведенная фраза поставила Натку в тупик. «У Пепе нет ни одного носка», – читала она, снова и снова сверяясь и с Интернетом, и с двумя словарями, и с собственными сомнениями. Хотела позвонить Паоле, но передумала. Обещала выплывать сама, значит, будет трепыхаться. Второе предложение оказалось не легче: «У него большие ноги, и он любит черный цвет». «Он любит черный цвет. Он любит черный цвет», – твердила Натка до тех пор, пока слова не зарубцевались намертво в ее голове. Она почувствовала, что ужасно устала. Она потратила час на два предложения и нисколько не продвинулась в своих познаниях. Зато узнала, что какой-то Пако, полное имя которого, по утверждению Гугла, Франсиско, любит черный цвет. Впрочем, этот цвет импонировал не только ему.

– Он любит черный цвет, – сообщила Натка сестре так, будто выдавала величайшую тайну.

Аленка засмеялась:

– Это все, что ты о нем знаешь?

– А этого не достаточно?

– Не знаю. Я не колорист.

– Хорошо. Ему девятнадцать. Студент МАРХИ. Рисует офигенно, чертит божественно.

– А целуется? – Аленка хихикнула, Натка фыркнула:

– Вот еще! Стану я целоваться на первом свидании!

– Нет?

– Нет!

Наврала, конечно. Целовалась, и еще как. До потери пульса, до остановки дыхания. Почему? Да потому что так получилось. Сразу и навсегда. С первого взгляда и до последнего вздоха. Впрочем, как показала жизнь, со вздохом Натка, естественно, поспешила. Но когда тебе восемнадцать, любовь представляется величиной постоянной и бесконечной. Тем более первая, тем более взаимная, тем более такая, как у Натки: такая, какой у других не бывает. Другие слишком рассудительны, слишком правильны, слишком сложны. Считают, что любовь можно подвинуть и отложить. Твердят, что сначала образование, а потом уже чувства. Говорят, что любовь помешает. Как это? Натка не понимала. Любовь должна была помогать, двигать и стимулировать. Так и случилось. Жили трудно (как говорили родители): стипендия три копейки плюс случайные подработки – у Натки переводы, у Андрюши курсовые (делал макеты для старшекурсников, да так искусно, что заказывать курсовик у Михайлова вскоре стало престижно). Преподаватели, конечно, догадывались, но не пойман – не вор. А если этот невор еще и надежда всей будущей московской архитектуры, то почему бы ему и не попрактиковаться? В общем, на хлеб хватало. На масло подкидывали родители Андрея, а на одежду Натка тогда не обращала внимания. Джинсы есть, кроссовки имеются, пара футболочек красиво подчеркивает точеную талию. Что еще надо? На зиму старенькая цигейковая шубка, перекроенная из бабушкиной, а на лето резиновые вьетнамки с собственноручно пришитыми к перепонкам искусственными цветами. Жизнь научила ее не заикливаться на материальном. Натке было шесть, когда появилась Аленка. С Аленкой появился и папа, но ненадолго. Как только у младшей сестренки обнаружился порок сердца, у папаши расцвел буйным цветом порок души, который и заставил его исчезнуть в неизвестном направлении без всяких объяснений. У мамы

погрузиться в свое горе не было ни времени, ни возможности. Детей требовалось кормить, одевать, обувать, учить, а младшую еще и лечить. Задача не из легких и, разумеется, не из дешевых. Зарабатывала мама, правда, неплохо: врач-стоматолог, да еще и высшей квалификации, не мог пожаловаться на недостаток средств даже в Советском Союзе. Но двое детей, к тому же девочек, все-таки требуют приличных вложений. Поэтому работала мама на износ, пропадала в медицинском кабинете, где и в свободное время лепила протезы и сверлила пломбы для того, чтобы сводить Аленку к очередному светиле, а летом непременно свозить своих одуванчиков, за которыми весь год приглядывала бабушка, на юг. Личное счастье мама обрела уже после Наткиной свадьбы. Вышла за коллегу – бездетного вдовца, который окружил и ее, и Натку с Аленкой теплом и заботой. Человеком он был обеспеченным и не раз предлагал «помочь молодежи». Но Андрей гордо отказывался, а Натка шиковать не привыкла. Подумаешь, сапоги прохудились! Все это мелочи жизни. Главное, что они с любимым были вместе. Вместе засыпали, вместе просыпались, вместе шагали по жизни и мечтали о будущем: счастливом, удачном и благостном.

Будущее нарисовалось быстро в виде орущего свертка, страдающего то соплями, то поносом, то зубами, то просто плохим настроением.

– Сами дети! – сокрушалась Наткина мама, наотрез отказавшаяся сидеть с внучкой («Мне пока не сто лет, чтобы забыть о собственной жизни. С вами двумя нахлебалась выше крыши. Хватит. Пора и о себе вспомнить!»). – Чем думали? На кой рожали?

Натка на маму немного обиделась. Глупая, конечно, была. Когда самой сорок исполнилось, все поняла и простила. Ну не хотелось ей в сорок лет ни пеленок, ни какашек, ни сюсюканий. К тому же и не бабушкой она вовсе была, а мамой двенадцатилетней – маленькой еще – Аленки. В общем, не хотелось внуков, и все. А вот Натке ребенка в восемнадцать хотелось, и даже очень. Потому что от него – от любимого. И не страшно, что снимают комнату в коммуналке, и плевать, что с деньгами плохо. Главное, появилась дочурка. И теперь все будет легко, радостно и просто прекрасно.

Самое интересное, что так и было. Натка взяла академку и наслаждалась материнством. Даже научилась правильно варить макароны и жарить картошку. Андрюша хвалил, ел за обе щеки, довольно целовал жену и шел ругаться с соседями за право занять общую ванную именно в девять вечера и непременно на полчаса: «У малышки режим, просьба с этим считаться». Купали Ниночку в четыре руки, стараясь не замечать ни ржавчины по краям старой, потрескавшейся ванны, ни запаха ацетона (соседка Татьяна, зарабатывающая на жизнь проституцией, ежедневно перекрашивала ногти), ни развешанного на батарее штопаного белья алкоголика Степана – дядьки доброго, но несчастного (ни семьи, ни работы. Из друзей – одна беленькая. Вот и латали ему носки то Татьяна, то Натка, то еще кто из сердобольных соседок). Андрей иной раз носки эти все же подмечал. Кривился, поджимал губы и шептал Натке в ухо:

– Мне новые всегда покупай, хорошо?

– Хорошо, – важно отвечала Натка, словно носки эти были величайшей ценностью на земле.

Из коммуналки уехали, когда учились на пятом курсе: какая-то бездетная тетушка мужа скончалась, оставив после себя однокомнатную квартиру. Родители Андрея подсуетились, подняли связи и отвоевали-таки у государства эти метры еще до всеобщей приватизации. Обмен с доплатой сделал молодую семью обладателями малогабаритной двушки на окраине столицы. Перспективы были самые радужные: автобусная остановка возле подъезда через два года, метро через пять и целый вагон счастья незамедлительно. Натка ходила по квартире с блаженной улыбкой и жмурилась от яркого солнца, что заливало комнаты через еще не занавешенные окна. Натка снова училась, Ниночка ходила в ясли, Андрея после защиты ждали сразу три ведущих архитектурных бюро. Он так раздухарился, что даже предложил жене бросить переводы:

– Зарплата, Натуль, – это же не халтура какая-то. Я теперь вас так обеспечу, что ночами сможем спать, а не корпеть над словарями.

Но Натка корпела. Во-первых, привыкла, а во-вторых, любила она свой самый сложный арабский и, что называется, наработывала репутацию. Арабы предпочитают иметь дело с мужчинами, и для того чтобы тебя взяли в серьезную организацию, да еще доверили вести переговоры, надо быть специалистом высококлассным. Так что минуты свободной у нее не имелось. С утра, спихнув зареванную Ниночку на вечно хмурую воспитательницу, бежала в институт. Оттуда возвращалась с полными сумками: синяя курица на первое и второе, сухофрукты на компот, мешки сахара по талонам и что-нибудь эдакое для интерьера. За год жизни в квартире от разных мелочей стало негде плюнуть. Пространство заполняли сувениры, статуэтки, тарелочки и открытки.

– Добрые пожелания нельзя убирать в ящики, отсюда они не исполнятся, – категорично говорила Натка, когда Андрей пытался убедить ее в том, что всем этим безделушкам самое место где-нибудь в дальнем углу комода. Она всегда одерживала верх. Наверное, Андрей тогда умел уступать, а может, тоже хотел быть счастливым и здоровым. Кто же этого не хочет? И открытки оставались на виду. А еще Наткины бумаги, и Андрюшин кульман, и рулоны чертежей, и дочкины игрушки, и, конечно, ярко-зеленая машинка с педалями, которую малышка наотрез отказалась оставить у бабушки на даче. Теперь Ниночка гордо объезжала те полтора метра, что оставались свободными между кульманом и диваном. Это, конечно, когда диван был сложен. А с утра, вскакивая с постели, Натка обязательно поскальзывалась то на забытой игрушке, то на сорвавшемся с кульмана карандаше, то на брошенной паре носков. Она чертыхалась беззлобно, а муж, хватая ее руку и нежно целуя, обещал:

– Когда-нибудь я построю тебе хоромы.

– Так уж и хоромы? – сомневалась Натка для приличия. В талант Андрея она верила беззаветно, но о хоромах тогда и не мечтала. Главное, живут дружно и легко. И никуда их большое светлое не делось, не испарилось. А площадь... Ну, хочет, пусть строит.

– Обязательно построю, Натуль. Я ведь у тебя кто?

И хором:

– Ар-хи-тек-тор.

И смеялись, обнимались, целовались опять до одури. Точнее, до возмущенного Ниночкиного плача из соседней комнаты. Тогда Натка вскакивала, спотыкалась, швырялась в мужа носком и говорила, прищурясь, для порядка:

– Напокупала на свою голову.

Натка снова уткнулась в компьютер и зачем-то попросила Гугл произнести эту странную фразу. Послушала несколько раз интонацию, повторила, пробормотала:

– Ладно, что там дальше после носков?

Она перевернула лист и ошарашенно прочитала: «Урок № 2».

Натка снова взглянула на первый листок, затем проштудировала всю папку на предмет путаницы страниц или потери листов, но не нашла никакой ошибки. Она с недоумением повертела в руках свой перевод нескольких предложений и решительно взяла телефонную трубку. Услышав голос с едва заметным акцентом, потребовала объяснений.

– Что за шарлатанку ты мне подсунула? Пичкает каким-то бредом. Вернее, не так. Получается, что я сама себя пичкаю.

– Ну-ка, ну-ка, – оживилась Паола.

Натка быстро изложила суть своих претензий и спросила требовательно:

– И что мне со всем этим делать?

– Не понимаешь? – хохотнула Паола.

– Нет.

- Купи носки.
- Что?
- Носки купи. В задании же ясно написано. Купи ему носки.
- Кому?
- Франсиско. Или кому-нибудь еще.

Паола положила трубку. Натка растерянно повертела телефон в руках, выключила компьютер и вышла из кабинета. Спустилась по лестнице на первый этаж, подошла к окнам и уставилась вдаль. Несколько минут смотрела на волны, пытаюсь упорядочить мысли. Где-то далеко хлопнула дверь. «Андрей пришел», – вяло подумала Натка, но даже не пошевелилась. Дом такой большой, что мужу понадобится не меньше пяти минут для того, чтобы дойти до этой террасы. Если он вообще решит заглянуть на половину жены. Такое, конечно, случается, но в последнее время все реже и реже.

Натка оторвала взгляд от моря и прислушалась. Так и есть. Шорох из холла переместился в гардеробную, потом донесся шум воды, а затем скрип половиц известил о том, что муж отправился на кухню. Подтверждая Наткины мысли, хлопнула дверца холодильника. Натка скривилась. На плите остывал борщ и котлеты. Можно было, конечно, выйти и сказать, что «сейчас она все быстренько положит и сервирует». Но ведь бесполезно. Андрей все равно буркнет, заталкивая в рот кусок колбасы:

- Некогда. Поел уже.

И уйдет. Уже ушел – стукнула дверь его кабинета. Теперь будет творить часа три-четыре, потом выйдет в общую просторную гостиную: на стенах несколько картин, на полках дорогие фолианты. Никаких дешевых сувениров и безделушек. Все изысканно и со вкусом. Если обнаружит там жену, спросит, как прошел день. Впрочем, ответ слушать не станет. А она и отвечать не будет. Примется смотреть телевизор, точнее, в телевизор, постоянно щелкая пультом, не пытаясь остановиться. Он не заметит. Изучит прессу, ругая курс евро и политику властей, вежливо пожелает жене спокойной ночи, прикоснется сухими губами к ее лбу и пойдет спать. Так всегда бывает, когда Валерки нет дома. А сегодня его нет – ночует у приятеля. Значит, у Натки в перспективе мельканье каналов и механический прощальный поцелуй в лоб (как будто она уже в гробу, ей-богу!).

Натка посмотрела на часы и заторопилась в прихожую. Времени было достаточно, чтобы выучить урок. Тем более что магазин буквально на углу. Натка каждый день проходит мимо, разглядывая витрины, но внутрь зайти не решается. А сейчас почти побежала, будто могла опоздать.

Две молоденькие продавщицы, громко о чем-то стрекотавшие возле кассы, дружно обернулись на появление покупательницы и так же дружно набросились на нее с вопросами, смысл которых она, конечно, не понимала, но по тем эмоциональным жестам, которыми девушки сопровождали свою болтовню, показывая на вешалки с одеждой, догадалась, что ей рекламируют буквально весь ассортимент магазина. Какое-то время Натка вертела головой и глупо улыбалась, но потом взяла себя в руки и выдала на еле слышном и наверняка ужасно корявом испанском:

- Мне нужны носки.
- Что? – переспросила одна из девушек. Вторая даже этого делать не стала, тут же отошла к кассе и принялась заинтересованно разглядывать манекен. Конечно, он был во сто крат интереснее Натки, которая сникла, но все же повторила упрямо:
 - Носки.
 - *De que color?*² – спросила вторая продавщица, продолжая излучать любезность.

² Какого цвета? (исп.)

О! Color – это было знакомое слово. В конце концов, не зря Натка так старательно зазубривала фразу, в которой оно встречалось. Она улыбнулась и с облегчением произнесла:

– Negro. Le gusta el color negro³.

– La talla?⁴ – загадочно улыбнулась девушка.

«Господи! При чем здесь талия?!» Натка бесшумно, как рыба, хлопала губами.

– Cuarenta, cuarentayuno?⁵

– No, – зачем-то ответила Натка, совершенно ничего не понимая, но продавец, ничуть не смущаясь, продолжала атаковать:

– Cuarentaydos?

«Сорок два», – поняла Натка. Сорок вторым был номер их дома, а адрес она вызубрила уже на следующий день после приезда. Боялась потеряться и не найтись. Интересно, кто-нибудь бы заметил пропажу? «Значит, сорок два. Это они о размере, что ли? Да, наверное. Сорок второй вполне подойдет. А что там было до этого? Сорок? Сорок один? О! Так я могу еще и рубашку купить. Скажу теперь, что ворот сорок первый. А как будет ворот? Неважно. Покажу на шею».

Из магазина Натка вышла через час, обвешанная пакетами и с чемоданом хорошего настроения. Она купила кучу нужного и ненужного барахла. Но главным было то, что в голове прочно держались названия цветов, предметов одежды и нескольких частей тела. Да, ну и, конечно, цифры. Куда же без них?

Дома Натка нарочито громко хлопнула дверью. Подействовало. Муж спустился из кабинета и вместо того чтобы отчитать ее («Он же работает!»), удивленно развел руками. Чему именно он изумлялся, Наткиному неожиданно обнаруженному отсутствию или количеству покупок, она не разобрала, сказала только:

– Я купила тебе носки.

– Носки? – переспросил Андрей, озадаченно взглянув на нее поверх очков. Наверное, на самом деле хотел спросить: «Мне?», но сдержался. – Ну-ну, – он отвернулся и двинулся обратно по лестнице.

– Черные. Как ты любишь.

– Спасибо, – он продолжал свое восхождение.

– Самые лучшие. Я попросила самые лучшие.

Он замер посередине лестницы, затем снова обернулся к жене:

– Ты? Ты попросила?

– Да, – Натка порылась в пакетах и выудила пару носков. – Сам посмотри. Los mejores.

– Поздравляю, – произнес Андрей и, как показалось Натке, даже чуть улыбнулся уголками губ. Да. Кажется, да. Разве что чуть-чуть, конечно. И только одними уголками. Но все-таки улыбнулся. И тут же заторопился, заважничал, заизвинялся.

– Черчу, – известил сухо. – Проект.

– Большой? – против обыкновения поинтересовалась Натка.

– Нормальный, – уклончиво ответил он, но не ушел. Остался стоять посреди лестницы, будто ждал очередного вопроса. Но его не последовало. Натка только плечами пожала.

– Что ж... Тебе, наверное, – она выписала руками какой-то крендель.

– Да. Мне надо работать.

– Ну...

– Пойду.

– Иди.

³ Черный. Ему нравится черный (*исп.*).

⁴ Размер? (*исп.*)

⁵ Сороковой, сорок первый? (*исп.*)

– В общем, пошел.

– Иди-иди.

Андрей скрылся на своей половине. А Натка разобрала пакеты. Повесила в гардеробной новые рубашки для мужа и сына, полюбовалась вечерним платьем для Ниночки, повертелась перед зеркалом в новом коротеньком пальтишке яркого свекольного цвета, разложила по полочкам свитера и водолазки. И только пакетик с носками она оставила в прихожей. Прямо посередине. Так, что не заметить было нельзя. Она с аппетитом съела борщ и три котлеты и ушла к себе в спальню. Там Натка включила телевизор, но пультом не щелкала. Лежала и упорно старалась вырвать из контекста знакомые слова. В итоге два раза она отметила «сорок», пять раз «цвет» и, наверное, раз двадцать «спасибо». Хотя, возможно, и больше. Этого Натка точно не помнила. Она уснула.

Когда на следующий день, тщательно выучив названия фруктов и овощей, она почувствовала себя вполне созревшей для похода на рынок и спустилась в прихожую, пакета с носками там не было.

Урок № 2

Бойкая торговля с веселыми продавцами так воодушевила Натку, что в школьном дворе она расхрабрилась настолько, что позволила себе перекинуться парой фраз с мамами Валеркиных одноклассников. О! Ничего такого. Просто объявила, что на рынке хорошие груши, а Валерка их любит. Ответов она, конечно, не разобрала. Для нее вообще оставалось загадкой, как эти странные испанцы ухитряются понять или просто услышать друг друга, если говорят все одновременно. В правое ухо Натки щебетал тоненький голосочек смешной маленькой женщины, которая постоянно морщила носик-пуговку и трясла туго завитыми мелкими кудрями в такт своей трескотне. В левом басовито гудела полная матрона, цокавшая языком после каждого предложения, отчего становилась похожей на породистую, довольную жизнью лошадь. Породистая, потому что масть темная, а довольная... Недовольных, грустных испанцев вообще сложно отыскать. Подтверждали теорию всеобщего испанского благополучия еще две женщины, стоявшие перед Наткой и бойко говорившие то ли непосредственно с ней, то ли друг с другом, то ли со всем миром одновременно. Они залиvisto смеялись и то и дело слегка подталкивали соседку локтями, точно искали у нее подтверждения какой-то своей болтовне. Натка не понимала ни слова, но сосредоточенно и непрерывно кивала, как болванчик, не забывая при этом широко улыбаться.

Валерка появился как раз в тот момент, когда у нее уже начало сводить скулы, бока от постоянного пихания стали побаливать, а уши буквально глохнуть от ежесекундного «Vale»⁶. Вместе с сыном из школы хлынула река других учеников, которая гудела, бурлила и пенилась криками, песнями и эмоциями, заглушая галдевших родительниц. Натка быстро вырвалась из круга мамаш и окликнула сына. Валерка без труда вынырнул из потока одноклассников и подплыл к матери, удивленно улыбаясь:

– Что ты здесь делаешь?

– В каком смысле? Тебя встречаю. Не рад?

– Рад, конечно. Просто обычно ты сидишь в машине за забором, а тут... – он сделал красноречивый жест в сторону группы женщин.

– Там душно, – попыталась Натка закрыть тему.

– Ясно. И о чем разговаривали? – Валерка не Ниночка. Та сразу понимает, когда надо придержать язык, а этому все нипочем. Мальчишка. Прет напролом.

– Так. О погоде.

– Да? – Валерка хитро вскинул брови и спросил издевательски: – Ну и как сказать, что сегодня хорошая погода?

– *Está buen tiempo*, – бросила Натка то, что говорил ей один из продавцов на рынке, показывая на небо и солнце.

– Ух ты! – присвистнул сын и взглянул на мать, похоже, с уважением. Но настроение у нее все равно испортилось. В нее не верили и списали со счетов. Она думала, только муж и дочь, оказывается, Валерка тоже. Надо же, еще молоко на губах не обсохло, а уже считает себя умнее матери. И как такое случилось? Когда это началось, что все вдруг стали считать себя умнее, важнее и лучше ее?

Грустные мысли окончательно выбили Натку из колеи, и дома она, вместо того чтобы сесть за учебник, взялась за пылесос. Натка всегда занимала себя физической работой, если хотела отвлечься от неприятностей. За пылесосом последовала плита, а за ней стекла террасы. Где-то между компотом и овощным рагу Натка услышала, как Валерка крикнул, что пойдет на пляж. А на втором окне дверь в холле известила о приходе мужа. Натка стала еще яростнее

⁶ Эквивалент англ. о'кей.

тереть стекла, настойчиво пытаюсь обнаружить на них еще какие-нибудь следы пыли. Наконец пришлось-таки себе признаться: «Ты просто боишься читать второе задание. Ты боишься не справиться. Ты трус».

– Трус, – вслух согласилась Натка.

– Кто трус? – раздался сзади голос мужа.

– Что? А... Да это я, видишь, все тру и тру, как ненормальная.

Муж кивнул и, бросив: «Смотри, не надорвись», сел в кресло, устремив взгляд на морской пейзаж за окном. Лицо его при этом было лишено каких-либо эмоций, но в глазах мелькали задорные искорки неясного происхождения. Натка так и застыла с тряпкой в руках. Потом спросила, не скрывая ехидства:

– Тебе разве не надо работать?

– Работать? – Искорки исчезли, взгляд стал колючим. – Да, конечно. Я тебе мешаю? Извини. Не хотел.

Андрей резко встал и вышел. Где-то далеко тихо скрипнула дверь его кабинета. Но даже от этого едва слышного звука Натка вздрогнула, как от оглушительного хлопка. Она яростно бросила тряпку в таз с водой. По чистым стеклам разлетелись грязные брызги. Наплевать! Наплевать!!! Натка закусил губы, чтобы не разрыдаться, и ушла в спальню. Задернула плотные шторы: «Долой солнце!», натянула на глаза повязку: «К черту реальность!» – и забылась тяжелым, беспокойным сном.

Проснулась она через несколько часов, когда на улице было так же темно, а в доме так же тихо, как в комнате. Спать больше не хотелось, и, словно отвечая на ее вопрос, что делать, голос с едва уловимым акцентом произнес в ее голове: «Кому-то требуется месяц, кому-то и года мало». Неужели она относится ко второй категории? Натка решительно вылезла из-под одеяла и пошла в кабинет. Минут через десять она уже морщила нос и раздумывала над вторым переведенным заданием:

Поздравьте Лусию с днем рождения.

Бред какой-то! Для того чтобы кого-то поздравить, надо иметь знакомого, отмечающего день рождения в ближайшее время. Правда, в Наткином случае желательно хотя бы просто иметь знакомого, а уж с чем человека поздравить, можно найти. Вот хотя бы с хорошей погодой. Чем не повод? Натка вздохнула и взялась за перевод еще нескольких предложений. Через полчаса сосредоточенного труда она уже знала, что должна вручить подарок, написать открытку и рассказать пару анекдотов, чтобы стать душой компании. Все это никак не помогло составить план конкретных действий, а только наводило тоску. «И как мне ее поздравить, Лусию эту? Имя какое-то дурацкое! Лусия! Люся, что ли? Люся... А ведь действительно Люся. Люська!» Натка вскочила, чуть не ударившись головой о полку и не свалив со стола толстый том словаря.

– Люська, Люсечка, Люся! – шепотом кричала она, пританцовывая у ящиков стола и нервно перебирая бумаги в поисках записной книжки. Нашла. Открыла на нужной странице. Взглянула на настольный календарь для контроля и счастливо засмеялась. «Все верно. Двадцать пятое октября. Точнее, уже двадцать шестое, потому как первый час ночи. Но это у нее в Жироне, а у Люськи в Бостоне еще двадцать пятое». Так что Натка ни капельки не опоздала. Она схватила телефонную трубку и набрала номер. Ей казалось, что стук ее сердца перебудит весь дом. Гудок. Еще гудок. И...

– We can't answer your call at the moment...⁷ – начал автоответчик гнусавым Люськиным голосом.

⁷ Сейчас мы не можем ответить на ваш звонок (англ.).

Натка, не дослушав, бросила трубку и сердито посмотрела на часы. Ну конечно. В Бостоне сейчас почти пять часов вечера. Станет Люська в это время торчать дома. Наводит, наверное, марафет в каком-нибудь дорожном салоне, чтобы потом все ее гости, которые соберутся в шикарном кабаке, «отпали и онемели от зависти».

– Если ты так хочешь, чтобы тебе завидовали, как же умудришься иметь столько друзей? – часто недоумевала Натка, когда в юности на Люськиных именинах гуляли разношерстные компании по тридцать-сорок человек. Возможность была. Старая дача: участок почти в сорок соток. На нем два дома, баня и куча свободного места, чтобы еще и палатки поставить. Там пели Окуджаву, делали детей, с душой чокались за Люську и так же душевно, почти открыто ей завидовали. Она это знала, а потому на Наткино недоумение только фыркала:

– Я не хочу. Так само собой получается.

Само собой у Люськи получалось все: учиться, работать, знакомиться с людьми, высказывать замуж и разводиться. А еще устраиваться в любом месте так, что вроде и не хочешь завидовать, а все равно не удержишься. В Бостон Люська перебралась из Чикаго, когда вышла замуж в четвертый раз. Конечно, муж был великолепен: умен, симпатичен, щедр («Удавлюсь, но со жмотом не лягу!»). Естественно, она любила его без памяти, как, впрочем, и трех предыдущих. Первому – научному руководителю своей дипломной работы – она помогла написать докторскую и получить место заведующего кафедрой. На этом тот решил закончить свое восхождение по карьерной лестнице и сосредоточил внимание на молоденьких студентках, как когда-то на Люське.

– Засранец! – объявила она и оценила свой ущерб и свободу неверного в сумму шикарной трешки в центре столицы. Профессор расплатился, и уже через полгода на новой площади у Люськи обитал муж под номером два. И снова удачный. Какой-то крупный рекламщик. Тогда этот бизнес только завертелся, возможности были большие, и их номер второй тратил на Люську неограниченно: как расписались, затеял строительство дома, куда и перевез ее через год, с работы снял, в фитнес-клуб записал, на горные лыжи поставил. Это зимой, конечно. А так – осенью Париж, весной Милан, летом моря-океаны, пляжи, курорты. От рекламщика Люська сбежала сама через три года с одним чемоданом.

– Скучно, – объявила она друзьям и родителям, которые чуть пальцем у виска не крутили и готовы были коллективно признать ее умалишенной.

– За такое «скучно», – мрачно констатировал кто-то из компании, – от простого люда можно и по морде схлопотать.

Люська попыталась было объяснить, почему на сей раз не стоило завидовать ее браку:

– Сумочка от Гуччи? Пожалуйста. Сапожки Прадо? Хоть пять пар. Малышке купить десятую шубку? Конечно, надо. А то в остальных ведь ее уже видели. Вдруг кто в тусовке заметит и решит, что он недостаточно крут. Вон его жена, ходит в одном и том же. Ребеночка Люсенька хочет? Конечно, дорогая. Только давай лет эдак через десять. Негоже моей девочке фигурку портить. Тьфу! – смачно плевалась Люська и добавляла в сердцах: – Идиот!

Идиот преследовал ее года полтора: охапки цветов, ювелирка и машина, перевязанная бантом, под окном. Люська подношения игнорировала, а на все увещевания и уговоры отвечала одно:

– Прошла любовь, завяли помидоры.

Муж номер три нарисовался на горизонте как раз тогда, когда рекламщик наконец ослабил свою хватку и Люська смогла себе позволить появиться где-то с новым кавалером, не рискуя здоровьем последнего. Достоинства его она описывала кратко:

– Голландец.

Объяснение это казалось вполне логичным. Люська была специалистом по нидерландскому языку. Причем неплохим, но неостребованным. А тут раз – и прямо в десяточку. И вот уже и Амстердам, и каналы, и тюльпаны, и ощущение собственной значимости.

Когда Люська уезжала, они с Наткой прощались всерьез и надолго. Конечно, никакого железного занавеса уже не было и в помине, только вот возможности у Натки кататься к подруге в гости тоже не находилось. Ниночка – подросток: глаз да глаз нужен. Валерка маленький. Разве оставишь? Да и Андрей привык, чтобы и первое, и второе, и третье, рубашка отутюжена, брюки отпарены. Нет, он бы отпустил, конечно, но Натка сама не стремилась. Зачем ей куда-то одной, без него? Да еще в Амстердам. А вот сейчас она бы к Люське рванула в далекий Бостон. Только не зовет подруга. А в Голландию приглашала. Названивала раз в месяц и укоряла:

– Сидишь сиднем. Света белого не видишь.

– Почему это? – исправно обижалась Натка. – Мы и на море ездим, и на лыжах, между прочим, горных катаемся.

– Тоже мне достижение. По современным меркам, было бы просто неприлично не кататься. А ты бы удивительное что-то сделала, неожиданное. Живешь как отшельник.

– Неправда! Я же работаю!

– Ага. Дом – работа, работа – дом, и ни одного просвета. Серость.

В общем, Натка была серостью, «черным квадратом», а Люська «композицией № 10». И спорить бесполезно. Хотя и работа у Натки была интересная, в хорошей фирме, и дел разных хватало (двое детей все-таки, в отличие от бездетной Люськи), да и выбирались они с Андреем иногда и в кино, и в театр, и на выставки. Но разве подругу переспоришь? Она все о своем:

– Не надумала навестить?

– Да, понимаешь, Люсь, то одно, то другое...

– Ну ясно-ясно.

А однажды:

– Все. Опоздала, подруга. Амстердам устал тебя ждать.

– Больше не приглашаешь?

– А некуда. Со Свенсом мы расстались, и я вот-вот сделаю отсюда ноги.

– Возвращаешься? – обрадовалась Натка.

– Делать мне нечего! – тут же фыркнула Люська. – В Штаты поеду. Мосты наводить от одной фирмочки. Ребята пока некрупные, но в своих кругах известные и деньги обещают хорошие. Так что бедствовать не планирую, а стану ждать тебя где-нибудь в Чикаго или Сиэтле.

– Ну жди. – Натку покорила Люськина беззаботность. И как это у нее получается? Все легко. Все просто. Третий развод, а как с гуся вода. Все нипочем. Встряхнулась и побежала дальше.

– Ага. Я, как устроюсь, тебе адрес сообщу. Правда, не обещаю, что это будет скоро. Самой-то мне много не надо, но я хочу родителей перевезти. Так что тут нужны комфорт и условия.

– Родителей? Неужели они поедут? А здешняя жизнь? Воспоминания? Друзья? Ваша дача?

– А пенсия в три копейки? Да и друзья их что-то зачастили перебираться на кладбище. В общем, родители уже почти американцы – это вопрос решенный. Да и должен ведь кто-то сидеть с детьми.

– С какими?

– С моими.

Натка закашлялась:

– У тебя есть дети?!

– Нет. Но ведь будут же.

Дети появились через пару лет. Причем сразу полный набор: мальчик – копия Люськи, такой же открытый, улыбчивый и непрерывно о чем-то щебечущий, и девочка – ксерокс отца (Люськиного четвертого мужа – американца), серьезная, хмурая и молчаливая.

Натка впервые в жизни подругу пожалела. Все-таки уже не девочка, а сразу двое младенцев. У Натки вон большая разница между детьми, и все равно тяжело. А у Люськи тяжесть в двойном размере. Бедняга она!

Бедняга звонила примерно раз в месяц и щебетала что-то о вечных ценностях, безоблачном счастье и вселенской любви ко всему живому. Натка тоже звонила и деловито расспрашивала о грудном вскармливании, режиме, коликах и зубках. А потом звонки прекратились. Нет, не внезапно и не просто так. Не потому, что дружба не выдержала расстояния, и не от того, что они перестали испытывать потребность в общении. Просто с годами и километрами разница в характерах обострилась, а телефон – не лучшее средство для поиска компромиссов. Обидеться по телефону можно. Помирился сложнее. Натка обиделась. И обидела Люську. Хотя подруга тоже была хороша. Однажды позвонила и накинулась с места в карьер:

– Слушай, ну, мои архаровцы в колледж пойдут раньше, чем ты долетишь до Бостона.

Натка бросилась защищаться:

– Ты к нам тоже не спешишь. Ниночка – почти невеста, а Валерка... Ты его видела, когда он еще в коляске лежал, а мы, между прочим, в сентябре уже в школу пойдем.

– Нат, ну что за жизнь, а? Кругом столько всего происходит, а мы с тобой даже встретиться не можем. Столько нового!

– А что нового?

– О! Ты же не знаешь. – Люська понизила голос до полупшепота и кокетливо произнесла: – Я снова в поиске.

Натка не сдержалась:

– Люсь, ты дура, что ли? – Ведь и правда, в чужой стране с двумя маленькими детьми и престарелыми родителями!

Люська предпочла колкости не заметить:

– Нет, я умная. Понимаю, что жизнь одна и...

– И что?

– И ее надо жить, а не проживать, – договорила Люська с намеком.

– А я, значит, «проживаю»?

– Ага. Даже, скорее, волочишь существование.

– Я?! Волочу?! – Натка задохнулась от возмущения.

– Конечно. Все серо и буднично. Работа одна, муж один. Скукотища.

– Я... я люблю свою работу.

– Ну-ну!

– Что «ну-ну»?

– Я что-то ничего не услышала про мужа.

Натка молчала всего несколько секунд, а потом отрубилась:

– Не звони мне больше!

Люська тоже помолчала, а затем укорила подругу:

– Нат, друзьями не разбрасываются.

Но в той уже бушевала обида, и ей ничего не оставалось делать, как обидеть самой:

– Мужьями тоже!

С того дня прошло шесть лет. Они не звонили друг другу. Натка не звонила, потому что Люська оказалась не так уж не права, а почему не звонила Люська, она не знала. От общих знакомых слышала, что у подруги все хорошо: детки растут, родители здоровы. Работа хорошая, дом большой, жизнь, как обычно, легкая и веселая. «Муж номер пять? Нет, пока ничего не слышно. Двое детей ведь. Сама понимаешь. Но она ищет. Не унывает. И найдет ведь».

– Найдет, – не сомневалась Натка. – И, конечно, он тоже будет и умен, и симпатичен, и щедр. В общем, мечта, а не мужчина.

У Люськи все еще будет. У Люськи все впереди. А вот у нее – у Натки – все, оказывается, в прошлом. Даже сама Люська. А Люська – это не просто Люська. Это еще и дружба. Другой у Натки не было. Знакомые – да. Приятельницы, коллеги по работе, а для души, для тепла... Нет, подобного не случалось больше. Вот как сроднились с Люськой еще первого сентября на празднике первокурсников, так и шли по жизни в обнимку. И зачем только решили разжать объятия?

Натка фыркнула, подобно подруге, и решительно позвонила автоответчику:

– Люсь, это я. Ну... я, в общем. Ты, наверное, празднуешь и все такое. Я бы тоже хотела праздновать с тобой. Люська, я тебя поздравляю. И еще, знаешь, что? Я тебя люблю. Вот.

Натка положила трубку и вытерла зареванные щеки. Без любви еще худо-бедно можно существовать, но без дружбы... Без нее никуда. Вот позвонила и ожила, будто свежего воздуха глотнула, словно на новую ступень взошла. Пусть Андрей катится к черту. Она будет любить Люську.

Эту последнюю мысль Натка додумывала уже в полусне. Она спала, положив голову на стол и смяв в руке листок с заданием. Сон оказался крепким и спокойным: таким, каким и должен быть у абсолютно довольного собой человека.

Натка проснулась через три часа: шея затекла, спину ломит, пальцы онемели. Она заставила себя их разжать и, повертев в руках бумажку, вспомнила: «Лусия. День рождения». Я сделала. Я поздравила. Могу двигаться дальше. Где тут третий урок? Стоп! Я звонила Люське. А при чем здесь испанский?» Натка сникла, выползла из-за стола и поковыляла в спальню. В кровати лежала без сна: ее трясло то ли от холода, то ли от разочарования. Утром выпроводила Валерку в школу и решила первым делом избавиться от дурацких уроков, которые, вместо того чтобы облегчить жизнь, ее только усложняют. На террасе неожиданно столкнулась с мужем. Андрей выглядел практически как обычно: гладко выбрит, волосы тщательно уложены гелем (без него торчат в разные стороны, как у неряхи), фирменные джинсы, красивый белоснежный свитер и ярко-синий с такими же яркими желтыми вкраплениями шарф, небрежно брошенный вокруг шеи. На ногах мокасины. Натка остановила на них взгляд и удивленно изогнула бровь. Все понятно без слов: в обуви и на террасе?

– Я уже ушел и вернулся, – Андрей задумался, подбирая слова.

Натка ждала объяснений, прислонившись к косяку двери. За окнами ритмично пенилось и плескалось море. Солнце щекотало лучами пальмы, песок искрился розовым светом. И Натка подумала о том, что не знает, чему удивляться больше: неожиданной встрече или тому, что в этом райском месте кто-то, а именно она, еще способен предаваться унынию.

– Хорошая погода, – заявил Андрей, словно прочитал ее мысли.

– Наверное, искупаюсь, – поддержала Натка.

– А...У... Какие еще планы?

Это уже выходило за всякие рамки. Муж не интересовался планами Натки, наверное, года три, а уж с тех пор, как на него свалился этот масштабный проект и они поселились в Жироне, Натка и вовсе решила, что он с трудом вспоминает об их с Валеркой существовании. Но сейчас Андрей стоял напротив жены и, хотя сам понимал странность ситуации, ждал ответа. Натка пожала плечами:

– Ничего определенного. Продукты, кухня, Валерка. Знаешь, еще хочу съездить в Фигерас, – и добавила с нажимом: – Давно хочу. Может, как раз сейчас и поеду.

– А Валерка?

«Что это? Беспокойство отца или проявление власти?»

– А что Валерка?

– Ну там школа, уроки.

– Он большой мальчик. Знаешь, ему тринадцать.

– Знаю! – Андрей скрежетнул зубами, и Натка прикусила язык. Поняла, что перегнула палку. В конце концов, муж явился на террасу не просто так. Это очевидно. Надо дать ему возможность сказать.

– Ладно, – пошла она на попятный. – Про Фигерас это я так, к слову. Просто собирались ведь. – Честно говоря, собиралась одна Натка. Андрей там уже был раза три, ездил, когда летал в Жирону еще из Москвы. А Натку так и не свозил, хотя она просилась с самого первого дня, едва только они поселились здесь. Все отнекивался: «Потом как-нибудь». Как-нибудь Натке не хотелось. Она мечтала на полный день и с интересной экскурсией. Уж кто-кто, а Андрей умел рассказывать. То, что он способен удивить и выдать совершенно феерическую историю о жизни и творчестве знаменитого Сальвадора Дали, родившегося в этом городе, сомнений у Натки не вызывало. Уж она-то знала: муж – ходячая энциклопедия искусства. А если добавить к этому подвижный ум, красноречие и искрометный юмор, то получается именно тот коктейль, что заставляет женщину смотреть мужчине в рот и сдавать позиции. Другое дело, что последние годы Натку этим коктейлем Андрей угощать перестал. Угощал ли кого-то другого? Если да, то, скорее всего, клиентки бара надолго не задерживались. Серьезным отношениям нужна подпитка, ими надо дорожить, над ними надо трудиться. А у Андрея «на эту ерунду» времени нет. У него горят проекты, строятся дома и возводятся здания. Ему не до строительства чувств, да еще таких, чтобы поражать кого-то своими знаниями. Он не то что кого-то – жену несколько месяцев обещаниями кормит. Ладно. Это тоже вранье. Ничем он не кормит, отмахивается только.

– Съездим, – услышала Натка уверенный голос мужа и стала ждать продолжения: «Потом. Как-нибудь. Скоро. Не сейчас. Вот закончу новый этап и т. д. и т. п.». Но Андрей молчал. И тогда Натка решила:

– Когда?

– Вот прям в выходные и съездим. Валерку возьмем. Надо же его образовывать, в конце концов. А то растет тундрой.

– Можно и Валерку, – согласилась Натка, подумав: «Хотя бы не будем молчать всю дорогу». – Значит, договорились, – она посчитала разговор оконченным и двинулась в сторону кабинета, но муж остановил ее:

– Нат! – Она вздрогнула, как от удара, застыла на месте: спина натянута, как струна, колени почти не дрожат. Своего имени в исполнении Андрея Натка не слышала месяца три. Но он шока жены не заметил, продолжив немного смущенно: – У меня к тебе просьба.

«Такая большая, что ты даже посулил мне Фигерас?» – хотела спросить Натка, но сдержалась. Обернулась, молча и выжидающе посмотрела на мужа.

– У меня сегодня вечером два мероприятия, и на обоих надо быть кровью из носа. Но только одно здесь, в Жироне, а второе под Барсой, так что поспеть на оба никак не получится.

– Ты хочешь сказать, что придешь поздно и тебя не ждать? – Натка спросила почти равнодушно, старательно демонстрируя безразличие.

– Я хочу сказать, что на одну из встреч придется пойти тебе. – В глазах Андрея снова, как накануне, замелькали веселые искорки.

«Значит, он решил попросить меня еще вчера. Но вчера получилось то, что получилось, и Андрей передумал. А когда сегодня вышел из дома, понял, что без меня все-таки не обойтись. У него просто нет выхода. Иначе в жизни бы не попросил. У Андрея характер – скала. Что ж, надо воспользоваться моментом. Раз уж ему надо просить, пусть попросит по-настоящему».

– А почему «придется»? Разве мне это надо?

– Нат, это мне надо. Помоги, пожалуйста! – Андрей говорил искренне. Он просил, но не унижался. Именно это чувство собственного достоинства так всегда в нем и нравилось Натке. А сейчас оно ее почему-то раздражало. Мог бы и поклянчить, в конце концов, иначе получается, что он может и обойтись.

Натка вздохнула и спросила с явной неохотой в голосе:

– Ну и что я должна делать? Куда идти?

– Да сушая ерунда! Тебе просто надо поздравить Лусию с днем рождения.

Натка рухнула в кресло, выдавив ошарашенно:

– Кого?

– Лусию. Это жена одного из больших заказчиков. Не появиться – значит обидеть. А если придешь и поздравит от нас двоих, все будет просто отлично. Я ему позвоню, извинюсь, скажу, что моя жена придет одна.

– А меня приглашали?

Андрей замялся, но решил держать удар:

– Честно говоря, да.

– Что ж, спасибо, что сказал.

– Нат, я просто...

«О! Третий раз по имени за один час. Такое выдержать сложно».

– ...я просто думал, ты все равно не пойдешь. Скажешь, что ничего не поймешь, будешь себя чувствовать неуютно...

– Но я действительно ничего не пойму и буду чувствовать себя неуютно.

– Не пойдешь? – Андрей как-то сник и словно уменьшился в размерах. Даже шарф его перестал быть таким ярким.

– Пойду, – ответила Натка. – Мне надо поздравить Лусию с днем рождения.

– Правда? Ну спасибо тебе, – Андрей расплылся в улыбке. Как давно Натка не видела эту его улыбку: широкую, во все тридцать два зуба, и бесхитростную. – Нет, ты правда пойдешь? Это же просто фантастика.

Что было делать Натке? Только подумать о том, что все происходящее действительно напоминает фантастику, или чудо, или волшебство. Ну не могла же, в самом деле, эта испанка предвидеть! Или могла? Надо узнать у Паолы. Возможно, она ясновидящая? Нет-нет, только не это. За ясновидящими придется поверить в леших, домовых и барабашек. В общем, во всю ту чушь, которую Натка в своей жизни старательно избегала. «Совпадение, – сказала себе Натка, – обычное совпадение». Единственное, с чем она согласилась без колебаний, так это с тем, что совпадение оказалось на редкость удачным.

Андрею пришлось задержаться дома еще на час. Именно столько времени понадобилось Натке, чтобы узнать все, что мужу было известно о хозяйке дома, понять, как добраться по нужному адресу, и получить одобрение выбранного наряда. В конце концов, сегодня она – лицо Андрея, и он просто обязан знать, как это его лицо будет выглядеть. Наконец все было согласовано: Натка немного успокоилась, а муж стрелой ринулся к выходу.

– А подарок? – охнула она.

– Какой подарок? – муж посмотрел на нее с выражением: «За что мне все это?!»

«Это мне за что?» – мысленно огрызнулась Натка и ответила:

– Лусии. Чем поздравлять-то?

– А. Да не бери в голову. Купи цветочков, бутылку вина, и порядок.

– Андрюш, а она жена важного заказчика?

– Очень! – крикнул муж уже из холла.

– Тогда цветочками не отделаться, – тоже повысила голос Натка. Она стояла у зеркала в гардеробной и разглядывала свое отражение: стройная, еще не старая женщина с потухшим лицом и глазами побитой собаки. А вот платье красивое: шелковое, цветное, радостное – замысловатый узор и загадка. В общем, платье отдельно, женщина отдельно. Так бывает. Ничего. К вечеру она наведет марафет, соорудит прическу, нацепит очки, и их дуэт будет смотреться более органично. Натка прислушалась. Муж чем-то шуршал в коридоре. Видимо, как обычно, пытался уместить в футляр целую грудку чертежей. Наконец он откликнулся:

– Ну придумай что-нибудь сама. Ты же у меня умница.

«У тебя? Час от часу не легче. С чего такие нежности? С того, что я отправляюсь поздравлять Лусию с днем рождения? Я вроде просила только помочь мне с испанским, а не наладить семейную жизнь. Это что – дополнительный бонус за прилежание?»

Муж ушел, а Натка, даже не сняв платья, бросилась к компьютеру, за которым два часа зубрила поздравительные тексты, добрые пожелания и еще какие-то вежливые фразы, которые было бы неплохо ввернуть во время разговора: «Какой у вас интересный дом. Какой прекрасный сад. Рада познакомиться. Приходите к нам. Спасибо за приглашение». Да, и еще надо запомнить всю ту ерунду, о которой обычно треплются женщины: «Моему сыну тринадцать. Дочь уже взрослая. Она изучает дизайн в Барселоне».

– En Barcelona, en Barcelona, – все еще твердила Натка, когда при полном параде вырुливала из гаража. Нажимать на педали в новых босоножках на высоких каблуках оказалось очень удобно, и от этого она почему-то почувствовала себя гораздо увереннее. Сейчас еще купит какой-нибудь сногшибательный подарок и с ним вместе так поздравит эту Лусию с днем рождения, что с чистой совестью поставит себе «пять с плюсом» за выполнение второго задания.

Вернувшись домой, Натка, забыв о нерушимом правиле, которое сама же установила, процокала на каблуках мимо гардеробной и подошла к большому (от пола до потолка) зеркалу в гостиной.

– Шикарная женщина, – похвалила она себя. – А главное, умная. – Натка вытащила из сумочки мобильный и укорила трубку: – Мог бы, между прочим, позвонить и поинтересоваться, как прошло. Для тебя же старалась.

В унисон ее мыслям зазвонил городской телефон. Натка бросилась отвечать, едва не запутавшись в платье. По ее лицу расплылась глупая улыбка: «Домой звонит. Проверяет, пришла или нет. Может, еще не все потеряно».

– А я уже дома, – сообщила она трубке довольным тоном.

– И где ты была? – игриво захихикала та женским голосом.

– Кто это? – Натке стало не по себе.

– И она еще спрашивает! Я! Кто же еще?! – И трубка сменила хихиканье на залиvistый смех.

Засмеялась и Натка. Да что там засмеялась, зашлась счастливым хохотом, завопила что есть мочи, совершенно забыв о мирно спящем в детской Валерке:

– Лю-у-усяка!

– Другое дело! А я уж решила, что ты стерла мой голосок из недр своей памяти.

Натка смеялась не переставая. Это была Люська! Люська со своей манерой витиевато выражаться. Люська со своей вечной самовлюбленностью. Люська со своим задором и оптимизмом, почти забытым Наткой и таким необходимым ей именно сейчас.

– Лю-у-усяка, – снова промычала она в телефон. Только радостный крик теперь сменился протяжным слезливым вытьем.

– Э-э-э! – запротестовала трубка. – Ты чего там? Мы так не договаривались! Никаких ручьев! И думать забудь! Я больше плакать не собираюсь.

– А ты плакала? – Натка шмыгнула носом.

– И она еще спрашивает! – Наверняка Люська всплеснула руками и закатила глаза. – Рыдала. Вот как прослушала твое сообщение, так и ревела белугой битый час, пока Пол в ситуации не разобрался и номер твой с автоответчика мне не выдал. Кстати, а что за код такой – 34? Ты где обитаешь?

– В Испании. А кто такой Пол?

– В Испании? Каким ветром? Нет, правда в Испании? Отдыхаешь, что ли?

– Нет. Андрей тут работает. Так кто такой Пол?

– Андрюха нашел что построить в стране Дон Кихота? Надеюсь, это не мельницы? Слушай, а ты что там делаешь?

– Я? – Натка растерялась, но тут же перешла в наступление: – Ты не сказала, кто такой Пол.

– Чудачка ты, Натка. Ну, если не сказала, так и говорить, значит, нечего.

– А я думала, муж номер пять.

– Не-е-ет, – Люська довольно загоготала. – С меня хватит. Ты была права. Мучиться с одним куда надежнее, чем порхать с ветки на ветку.

– Ты так думаешь?

– Да. А ты разве нет?

– Да я теперь и не знаю.

– Так... Давай-ка, подружка, как в известном фильме, «коротко и внятно».

– Коротко, наверное, не получится, – вяло протянула Натка. Портить настроение не хотелось ни себе, ни подруге. Тем более у нее день рождения.

– Правильно! – горячо поддержала Люська. – Вкратце о таком не расскажешь. Надо встретиться, распить не спеша бутылочку красненького, язычок развяжется, слезка прольется, носик похлопает, и жизнь наладится.

Натка сама не заметила, как снова начала смеяться. Но смех быстро оборвался.

– Осталось обсудить время и место.

– Ну, место не обсуждается. Однозначно у тебя. Ты в Испании, надеюсь, на море обитаешь?

– Ага. На самом берегу.

– Вот на этот берег я и приеду.

– Давай. А когда?

– Нет, подружка, ну ты обнаглела! Тебе сразу дату и время назвать? Я так не могу. Определиться надо, договориться со всеми. Я же теперь не вольная птичка: захотела – полетела. Я ведь тоже и мама, и дочка. Но я обязательно прилечу. Обещаю. – Из трубки послышался детский плач, и Люська запричитала, но уже не Натке, а куда-то в глубь своего бостонского дома: – Нет, ну что за ребенок?! Никакого покоя матери ни днем, ни ночью! – И снова в трубку: – Нат, ты извини, я пойду. Она нам поговорить все равно не даст.

– Конечно, иди. Только... Люсь!

– Ау?

– Прилетай поскорее.

– Так уже решили ведь. Тебя-то в гости звать бесполезно.

У Натки заалели щеки, а Люська продолжала тараторить, заглушая плач ребенка:

– Ладно, не красней там, я не обижаюсь. На друзей обижаться нельзя, верно?

И счастливая Натка от всей души подтвердила:

– Верно.

Она растянулась в гостиной на диване, не снимая платья, и, уже почти засыпая, прошептала:

– Querida Lucía, felicidades!⁸

⁸ Дорогая Лусия, поздравляю! (исп.)

Урок № 3

– Мам! Мам! – Валерка тряс Натку за плечо и, судя по тому что плечо ныло, делал это довольно давно.

Она резко села, шурясь от солнечного света:

– Что? Что такое? В школу? – «Нет-нет, сегодня же пятница – очередной Сан-Хуан – в школе объявили выходной». – Валер, иди спать, – Натка снова свернулась калачиком на диване. – И дай мне плед из комода.

– Мам! Теннис!

– Он в два часа. Говорю тебе: иди спать.

– Мам, уже час!

– Да-а-а? – Снова вертикальное положение, но ненадолго. – А твой велосипед?

– Там цепь полетела, я забыл сказать.

– Дружок, – Натка покачалась из стороны в сторону, – я не могу, честно. Попроси папу. – «В кои-то веки раз можно и озаботиться проблемами ребенка. Не развалится».

– Я бы попросил, если б он был дома.

– А его уже нет?

– По-моему, его еще нет.

Натка вскочила. Заметалась по гостиной, приквохтывая, как курица: «Как это нет? Как это нет?» Конечно, рано или поздно такое должно было случиться. Это она – мадам, так сказать, не первой свежести, а Андрей – молодой интересный мужчина. А уж с такой семейной жизнью ночевать в чужой постели самое оно. Нет, но каков, а? Попросить ее о помощи именно тогда, когда сам, сам! Просто возмутительно! И он считает, что после этого Натка продолжит играть в молчанку?! Да, наверное, так и думает. Привык уже работать с утра до ночи без выходных и не слышать ни слова упрека. Если он, конечно, работает... А там кто его знает? Натка ведь молчит, строит из себя гордую. Пришел домой к ужину – хорошо. Задержался? Микроволновка не даст умереть от голода. Сидит весь вечер в кабинете в обнимку с кульма-ном? Творит. Счастливый человек. Вышел в гостиную на всеобщее обозрение? Тоже хорошо. Она будет щелкать пультом в его присутствии и чувствовать себя на пару граммов менее одинокой. В общем, жизнь у Андрея спокойная. Просто подарок, а не жизнь. Никто не трогает, никто ни о чем не спрашивает, никто не донимает косыми взглядами и не устраивает дешевых истерик. Все тихо, мирно, прилично. И так скучно, что удавиться впору. Или хотя бы гаркнуть что есть мочи, или швырнуть табуретку в... в... ну хотя бы в трехметровое окно солнечной террасы, или...

Звонок в дверь прервал Наткин беспорядочный бег и такие же мысли. В секунду оказавшись у входной двери, она распахнула ее, увидела мужа и тут же додумала: «...или напиться».

Андрей с трудом стоял на ногах: коленями он упирался в стену, а лбом в дверной звонок, трели которого продолжали разноситься по дому. Глаза (вернее, мутные щелочки, которые от них остались) были полузакрыты, за веками угадывался блуждающий взгляд, губы при этом растянулись в дурацкой полуулыбке и пытались мычать нечто нечленораздельное, а правая рука, в которой оказался зажат букет роз, безуспешно силилась подняться и вручить подношение Натке.

– Хорош! – процедила она.

Муж зашипел и поднес указательный палец левой руки к глазу:

– Ш-ш-ш-ш...

– Сейчас тебе будет «Ш-ш-ш-ш»! – пообещала Натка.

– Тусь! – икнул Андрей и медленно осел на колени. – Я это, ну... приехал, в общем.

Натка выглянула во двор и увидела машину Андрея. Следующий ее возглас выражал одновременно все, что она думала и о муже, и о его решении сесть в таком состоянии за руль.

– Идиот! – О том, что сама она вчера вела машину, будучи, мягко говоря, не вполне трезвой, Натка предпочла не вспоминать. Уж она-то умеет отдавать себе отчет в собственных действиях. Ехала тихо, аккуратно, медленно. А этот наверняка несся по трассе что есть мочи, да еще и вилял из ряда в ряд как подорванный. Короче, короче... И она повторила: – Идиот!

– Мам! – раздался из глубины дома крик Валерки, который благоразумно решил не принимать участия в сомнительной беседе на пороге. – Теннис!

– Повезло тебе, – объявила Натка Андрею. Она забрала у него букет и отступила в прихожую, примирительно предложив: – Заползай.

Предложить предложила, но за тщетными попытками мужа преодолеть расстояние в двадцать сантиметров устала наблюдать через двадцать же секунд. Еще через пять минут она, умывшись и переодевшись, спустилась в гараж. Валерка уже ждал, устроившись на переднем сиденье. На заднем разместились ракетка и стопка учебников. После тренировки сын отправится к приятелю готовить какой-то школьный проект. Не ребенок, а золото. Натка выехала из гаража и, выруливая на улицу, успела заметить, что входная дверь дома закрыта. «Заполз», – подумала она и расстроилась, осознав, что мысль эта доставила ей облегчение.

Натка притормозила на светофоре. Соседская такса обнюхивала маленькую пальму, торчавшую на тротуаре. На детской площадке громко галдели малыши, а их мамы делали то же самое, устроив звук. Валерка спокойно сидел рядом и ритмично дергал головой в такт музыке, звучащей в его наушниках. Булочник стоял возле двери в свою лавочку, энергично размахивал руками и призывно кричал:

– ¡Señores y señoras, bienvenidos al mundo de pan!⁹

Было самое заурядное утро. С той только разницей, что Наткин муж впервые в жизни напился, а она в первый раз поняла булочника. Хлеб ей неоднократно предлагали официанты на вчерашнем банкете, а один из подвыпивших гостей произносил тост «за мир во всем мире и в вашей квартире» так долго, что не разобраться в смысле его речей не смог бы только форменный болван, к коим Натка себя, естественно, не относил.

Она засмеялась.

– Ты чего? – Валерка не услышал, просто увидел улыбку на лице матери. Сдвинул один наушник, посмотрел удивленно.

– Так просто. – Натка поехала дальше.

– Это из-за папы, да?

– Ага. Из-за него. – «В конце концов, на дне рождения с миром и хлебом я оказалась благодаря этому алкашу. Не будем придираться. Где надо, отблагодарим и такого. С меня не убудет».

Вернувшись домой через полчаса, Натка обнаружила, что с благодарностями придется повременить. Андрей крепко и безмятежно спал, растянувшись прямо в холле. Подушкой ему служили Валеркины кеды, покрывалом Наткин плащ.

– Идиот! – прошептала Натка, глядя на мужа, и поморщилась: голос звучал слишком ласково.

Она аккуратно обошла храпящее тело и поднялась в свой кабинет. Быстро прочитала предложение, притулившись на краешке стула. Огорчилась, поняв, что потребуется перевод. Перевела, правда, значительно быстрее, чем раньше. То ли уже появилось чувство языка, то ли просто повезло. Задание было еще хлеще предыдущих:

Пациенту гораздо лучше, но он по-прежнему в больнице. Навестите его.

⁹ Дамы и господа, добро пожаловать в мир хлеба! (исп.)

Натка растерянно смотрела на текст. И кого ей навещать? Сходить в дом престарелых, справиться о здоровье какой-нибудь одинокой бабушки? Или действительно заявиться в ближайшую больницу и накормить фруктами самого несчастного? Хорошенькое дело! Так и самой можно в больницу угодить. В психиатрическое отделение. Вряд ли ее поведение оценят как адекватное. И когда, интересно, доброта стала ближайшей родственницей сумасшествия? Она вздохнула и позвонила Паоле, спросила, не лежит ли кто из ее знакомых или родственников в больнице, сказала, что может их навестить.

– Ты мать Тереза?

– Нет, просто отличница.

– Очередное задание? – догадалась Паола и перешла на тон Джеймса Бонда: – Крошка, ты можешь на меня положиться. Моя кузина Бибьянка не далее как вчера родила прелестную малютку, и они обе (и мама, и дочка) будут безмерно рады видеть любого, кто захочет поздравить их с этим приятным событием. В общем, я жду там тебя через час. Госпиталь Сан-Хуан. Приезжай.

Натка входила в больничный вестибюль уже через пятьдесят минут. Во-первых, ей не терпелось выполнить задание, а во-вторых, хотелось поскорее выскочить из дома, пока не проснулся муж и не наступила необходимость выяснять отношения. Она подошла к окошку администратора и спросила довольно уверенно для человека, который только третьи сутки серьезно занимается языком:

– В какой палате я могу найти сеньору Бибьянку?

– Фамилия?

– Рамирес, – назвала Натка фамилию Паолы, надеясь на удачу, но ей не повезло. Администратор покачала головой и что-то быстро затараторила, разводя руками. Натка догадалась: сеньоры с такой фамилией в госпитале не было.

– Бибьянка, – повторила она и смущенно улыбнулась.

Администратор осуждающе посмотрела на Натку и, испустив вздох, означающий: «Что с вас убогих взять», спросила:

– Отделение?

– У нее есть дочь, – произнесла Натка. Сообщение о том, что у нее есть дочь, ну и сын, конечно, она выучила специально для вчерашнего праздника.

Администратор оторвала взгляд от компьютера, в котором изучала списки пациентов, и воззрилась на Натку. Ее удивление не предвещало ничего хорошего. «Повяжут, точно повяжут, – решила Натка, но все же предприняла очередную попытку добиться понимания.

– Дочь, – повторила она. – Новая.

– Nueva? – удивилась молоденькая испанка и испуганно прошептала: – *Y donde esta la vieja?*

Натка попросила жестом подождать и велела мобильному Интернету перевести непонятную фразу. Через несколько секунд экран сообщил: «А где же старая?» Натка замахала руками.

– No! No! – «Господи! Как объяснить-то? Вечно в этих больницах ничего не хотят понимать!»

Она отошла от окошка и присела на скамью, чтобы выудить из телефона слова, которыми можно достучаться до непонятливой администраторши. Натка бы непременно отыскала их, если бы дала хоть какое-то задание «переводчику», но она не нажимала кнопок, а просто смотрела на экран, смотрела и вспоминала.

Той осенью – пятнадцать лет назад – в Москве было холодно. Конечно, ничего удивительного. Осень на то и осень, чтобы люди мерзли, шмыгали носами и жаловались. На улице серо, сыро и слякотно, в домах промозгло, на душе погано. Натка никогда не причисляла себя к людям, на которых погода оказывает значительное влияние. Она могла плакать под палящим

солнцем и смеяться под проливным дождем, но тогда думалось, что осеннее небо всеми своими тусклыми полутонами точно отражает ее настроение. А настроение было... В общем-то, его просто не было. А откуда взяться, если лежишь третью неделю в больнице, чувствуешь себя хуже некуда и не имеешь ни малейшего представления о том, когда же это закончится. Муж на работе, ребенок на полуфабрикатах, мама на седьмом небе от счастья, потому что у ее младшей дочери – Аленки (Наткиной сестры) – месяц назад родилась девочка. «Такая славенькая. Аккуратненькая! Ты просто не представляешь». – «Конечно, не представляю» – думала Натка, глядя в больничное окно. – У меня ведь нет Ниночки. Я ничего не знаю о детях. Тем более об Аленкиной малышке. А как я могу что-то знать, если торчу на казенных харчах уже двадцать дней? Нет, мне, конечно, звонят. И даже, наверное, беспокоятся. Подбадривают, как могут: «Все будет хорошо. Не унывай!» И про анализы спрашивают, и про температуру, но потом все равно умиляются: «А Аленкина Марусяка ну до чего хороша! Такая куколка! Такое загляденье! Такая красавица!» Будто бы Ниночка урод или вот эта, другая кроха, которая борется за жизнь в ее, Наткином, животе. Ну когда же, когда все закончится?»

Потом Натка буквально извела себя, поедом съела за эти слова. Потому что все действительно закончилось. Два месяца борьбы, а итог – лужа крови, суета медперсонала, капельница, наркоз и сочувствующие глаза склонившегося над Наткой врача.

Андрей, конечно, тоже переживал. Но как-то недолго, неглубоко, непонятно для Натки. Через пару недель и вовсе сказал: «Ну было и было. Перешагнули и живем дальше. Некогда слезы лить». Ему действительно было некогда, а Натке хотелось искать и находить время для очередной порции рыданий. При дочери, конечно, держалась. Незачем ее волновать. Но без Ниночки позволяла себе расслабиться, сдавалась в плен грустным мыслям и с наслаждением плакала. Ей было хорошо. А мама возмущалась. Звонила и строго спрашивала:

– Опять?

– Снова, – с вызовом отвечала Натка.

– Наталка, ты не должна! У тебя прекрасная дочь. Подумай о ней!

– Вот, наверное, из-за того, что я так много о ней думала, все так и произошло. Мне надо было оставаться здесь, а не в больнице валяться.

– Что ты придумываешь?

– Ничего не придумываю. Ты же знаешь, я с ума сходила: накормлена ли, напоена, одета?

– По-моему, у нее есть отец. И бабушка, кстати, тоже.

– Да. Только у бабушки теперь появилась еще одна игрушка. И, кажется, любимая!

– Натка, – мама меняла менторский тон на снисходительный, – ну ты что, ревнуешь?

– Да, – заливалась слезами Натка.

– Дурочка ты моя, – ласково говорила мама, и мир снова обретал свои краски.

Но ненадолго.

– Мам, посидишь с Нинушей? Андрей все уши прожужжал про какую-то замечательную выставку макетов. Хотим с ним поехать посмотреть что к чему.

– А когда?

– Послезавтра.

– Нет, Наточка, послезавтра никак. Ведем с Аленкой малышку к врачам. Первое обследование. Ты же помнишь, как это важно. Может, съездите в другой день?

– Может быть.

... – Мам, у Нинульки в саду карантин, а у Андрея какой-то суперважный бранч, где надо появиться с супругой. Выручишь?

– И как ты себе это представляешь?

– Ну... я... в смысле, с Ниной посидишь?

– А потом?

– Потом? Ну, мы думали: домой поедешь. Но если ты очень хочешь остаться, то, конечно, места всем хватит.

– Я не об этом. Я спрашиваю, как я после Нины смогу общаться с Марусей? А вдруг она заразится?

И так во всем: у Маруси температурка, у Маруси лезут зубки, Маруся поела, похныкала, покакала. Молодец, Маруся! Маруся здесь, Маруся там, Маруся везде. А для Ниночки и Натки места вдруг не оказалось.

– Понимаешь, Наталка... – Мама упорно продолжала называть ее этим именем, хотя больше никто себе такого не позволял.

Натка понимала. Маруся была нечаянной радостью, выстраданной, заслуженной. А еще она была Аленкиной. И этим все сказано. К первенству Алены в мамином сердце Натка давно привыкла. Нет, она его не приняла, но поняла. Аленка родилась не совсем здоровой. Порок сердца делал ее кожу необыкновенно прозрачной, глаза удивительно большими, а недостатки характера простительными. Хотя особых недостатков и не наблюдалось. Так, по мелочи. Здесь покапризничает, там нагрубит. С кем не бывает? А к пятнадцати годам и вовсе всю вредность переросла: ласковой стала, вежливой, обходительной. Разве можно такую девочку не любить? Мама и любила. И Натка любила сестру. Очень. А еще жалела. Ведь инвалид почти: не бегай, не прыгай, не переутомляйся. А еще не рожай! Врачи говорили: «Может плохо кончиться». Мама с Наткой им верили и не ждали от Аленки внуков и племянников. Сама бы жила хорошо, да и ладно.

А Аленка детьми просто бредила. Когда Ниночка родилась, через день приезжала нянчить. Вертела кроху, прижимала к бледным щекам и говорила:

– И у меня такая же будет. Вот увидишь.

Натка кусала губы и отворачивалась, чтобы сестра не заметила навернувшихся слез. Хочется ей верить – пускай. А Аленка продолжала безмятежно:

– Встречу такого же, как твой Андрюшка, и обязательно рожу.

Натка улыбалась из последних сил:

– Если такого, как мой, тогда можно.

А Аленка, будто разрешение получила, и впрямь встретила приличного человека, вышла замуж и всерьез озаботилась продолжением рода. Врачи, однако, радовать ее не спешили. Одни откровенно пугали, другие крутили пальцем у виска, третьи предлагали различные варианты, но предупреждали, что ни за что не ручаются, четвертые советовали усыновить ребенка. Последних Натка горячо поддерживала, но Аленка – добрая и покладистая – неожиданно заупрямилась:

– Сама бери. У тебя уже есть Ниночка-кровиночка, можешь и о приемных детках подумать, а мне пока рано. Сначала родными обзаведусь.

– Ален, так ведь не должно быть разницы.

– Ну, кому не должно, а у меня вот не получается. Знаешь, если б разницы не было, все бы усыновляли. Так ведь нет. Сами рожают. А я хуже, что ли?

– Конечно, нет. Ты даже лучше, только...

– А раз лучше, то и никаких только!

Аленка продолжала обивать пороги медицинских кабинетов. Как говорится, кто ищет, тот всегда найдет. Она нашла своего врача. Врача, который, тщательно взвесив все «за» и «против», решил рискнуть, предупредив Аленку о возможных отнюдь не радостных, а даже трагических последствиях. Не стать могло ребенка, или самой Аленки, или, что не исключено, обоих. Аленка заявила, что жизнь без ребенка – не жизнь, и забеременела буквально через несколько недель. Конечно, все месяцы ожидания с ней носились как с писаной торбой и врачи, и друзья, и родственники. А уж про Натку с мамой разговор вообще отдельный. О ребенке

они думали мало. Только бы обошлось, только бы Аленушка не пострадала. Не пострадала. Доносила до срока, удачно прокесарили. В общем, случилось все так, как даже и не мечталось.

Натка обнаружила свою беременность на следующий день после рождения племянницы. А в день Аленкиной выписки загремела на сохранение. Марусю так и не увидела. Сначала не могла физически, а потом – после больницы – морально. Мысленно представляла себе маленькие пальчики, беззубый ротик, мутные глазки и до того расстраивалась, что не то что поехать, позвонить не могла. Однажды все же собралась с духом, услышала голос сестры, устыдилась своего поведения и одновременно задохнулась от счастья: Аленка живая, счастливая, и Маруська у нее есть, а у нее – Натки – Ниночка. Что еще надо? Начала сбивчиво:

– Ален, я... Ты прости меня, что я так.

– О чем ты? Я все понимаю. Ты только не переживай, хорошо? Мама говорит: ты сама не своя.

– Да. Как-то расклеилась.

– Нат, тебе не надо раскисать. Ты же молодая, здоровая. Ты еще родишь себе кого-нибудь.

– Кого? – Эта мысль тогда почему-то показалась Натке кошунственной.

– Девочку или мальчика, – ответила Аленка, не заметив перемены в голосе сестры, – нового ребеночка.

– Нового? – Натка сглотнула застрявший в горле ком. – Новых детей не бывает.

Через несколько лет и цистерну страданий у нее родился Валерка, но отношения с Аленкой перестали быть такими же теплыми, как раньше. Сестры практически не созванивались, пересекались на днях рождения родственников, перебрасывались общими фразами и не пытались вести душевных разговоров. У каждой была своя жизнь, в которой не находилось ни места, ни времени для раздумий о возможном восстановлении прежней близости. Да и как склеить то, что сломалось? Одного желания мало. Хотя, возможно, и его оказалось бы достаточно, будь оно обоюдным. Но Натка мириться не хотела. Ей почему-то нравилось культивировать в себе обиду и чувствовать себя несчастной. И даже тогда, когда судьба предоставила реальный шанс все исправить, она легкомысленно им не воспользовалась.

– Аленка в больнице! – Мамин звонок застал Натку где-то между коробкой с книгами и отказывающимся закрываться чемоданом.

– Что случилось?!

– Выкидыш. Срок шесть недель.

– Она с ума сошла?! Ей же нельзя!

– Можно – нельзя... Сейчас это не имеет никакого значения. Она плачет, переживает.

Ну ты же понимаешь... – Мама тактично замаялась.

– Понимаю, – спокойно ответила Натка и добавила с холодком: – Пройдет.

– Наверное, – мама помолчала немного и попросила: – Нат, ты бы съездила к ней.

– Мам, у нас самолет послезавтра. В квартире черт голову сломит, я не знаю, за что братья, а ты предлагаешь все бросить и ехать вести с Аленой душеспасительные беседы? Ко мне, между прочим, никто тогда не приезжал.

– У Аленки была месячная Маруся. У нее кардинально поменялась жизнь. Разве она могла?

«Если не она, то ты могла бы приехать», – подумала Натка и снова возразила:

– У меня тоже кардинально меняется жизнь. Так меняется – не позавидуешь.

– Ну почему ты такая обидчивая?!

– Не знаю. Ты меня родила.

– Натка, это неправильно.

– Разве? А говорят: долг платежом красен.

– Только не между родными людьми.

– Ладно, говори адрес.

Конечно, охранник ее не пустил. «Карантин и все такое...» За «все таким» Натка лазить в карман, чтобы потом сунуть это в потные ладони, никогда не умела. Стояла и обреченно слушала представителя власти:

– Иди давай! Не трави душу! Ее ж поди выпишут через пару дней, тогда и наговоритесь.

Конечно, Аленку выписали. И именно через пару дней. Как раз тогда, когда Натка стояла в дьюти-фри в Шереметьеве и делала мучительный выбор между «Pleasure» и «Miss Dior». Впрочем, выбор этот был не настолько мучителен, как тот, что делала она у входа в больницу. «Позвонить или написать? Позвоню. А что скажу? Когда столько лет общаешься в стиле «Как дела?» – «Нормально», сложно подобрать душевные слова. Наверное, написать легче. Бумага все стерпит». И Натка написала:

Все решено. Мы уезжаем. Андрей подписал контракт. Он счастлив и горд. Дети пляшут тарантеллу и, как сумасшедшие, непрерывно скандируют: «Viva España». А я... Я верна себе. Жутко боюсь перемен. Конечно, Испания – это не конец света, а «чудо расчудесное», по словам мамы. И все же. Все же мне страшно. Как ты?

Натка дождалась ответа. Всего два предложения: «Спасибо, хреново», и «Счастливого пути». Она поразмыслила, набрала номер, услышала, что «аппарат абонента выключен...», и решила, что сделала все возможное для того, чтобы наладить отношения. Ведь один в поле не воин. Раз Аленка не расположена сейчас делать шаг навстречу, то настаивать Натка не будет. У нее своих проблем хватает. А сестра... Переживет как-нибудь свое горе. Натка вон пережила, и ничего. Кстати, никто над ней не трясся, не обрывал телефон и не посылал записочек.

Конечно, письмецо ее получилось каким-то корявым. Вряд ли Аленку интересовали сейчас Наткины страхи и перемены в судьбе. Но Натка хотела чем-то отвлечь сестру, сказать той, что не только у нее проблемы и мучения, не только ей приходится преодолевать препятствия и оплакивать потери. Аленку послание оставило равнодушной. Наверное, она просто не была готова, а может, Натка не нашла нужных слов. Она помнила, что, когда сама оказалась в Аленкиной ситуации, выбраться ей помогла работа, где не было никаких напоминаний о произошедшем. Вот Натка и не стала сестре напоминать. А та, наверное, искала сочувствия, хотела говорить об этом, проговаривать боль снова и снова, чтобы та стала легче и в конце концов испарилась бы в воздухе вслед за словами. Но что сделано, то сделано. Аленке плохо? Но и Натке не легче. Она едет в чужую страну, где не будет ни друзей, ни работы, ни особой поддержки со стороны семьи. Ей завидуют и считают счастливицей, потому что, по мнению многих, Натка схватила за хвост птицу удачи (под птицей, естественно, подразумевают Андрея). Птица и талантлива, и симпатична, и деньги, как выяснилось, зарабатывать умеет. У Натки будет огромный дом, жизнь под солнцем и целый гардероб красивых платьев. Что еще надо для счастья? А оказывается, очень многое. В этом доме должен звучать смех, солнечные лучи должны греть обитателей дома, а хозяйка изысканного гардероба просто обязана слышать комплименты, надевая каждое из своих многочисленных платьев. Но «талантливая птица», видимо, устала петь дифирамбы жене, она занята сочинительством од для работы, а еще, оказывается, вместо распевания распивается где-то на стороне.

Наткины мысли с Аленки перескочили на пьяного мужа, спящего где-то в их огромном солнечном доме. А с мужа на свое так и не выполненное задание. А она должна, просто обязана решить задачу, чтобы... чтобы птица удачи не выдернула перья из ее ослабленных рук. Натка задумалась и наконец набила нужные слова на клавиатуре телефона. Проговорив несколько раз про себя составленный текст, она решительно вернулась к окошку администратора и сказала по-испански:

– Не новый.

– Простите? – Пока Натка предавалась воспоминаниям, девушка на посту успела смеяться.

«Так. Теперь главное – не впасть в ступор. Сейчас-сейчас, она сможет. Черт! Надо что-то говорить. А в голове заученный текст. Но теперь он не подходит. Девушка просто не поймет ее заявления о том, что новых детей не бывает. Что же сказать? Куда подевались все слова? Нет, то, что «он любит черный цвет», тут определенно не подходит. Да и вопрос: «Свежие ли у вас огурцы?» – тоже грозит транспортировкой в психиатрическое отделение».

– У вас красивое платье, – наконец выудила Натка фразу из своего вчерашнего бенефиса на банкете.

– Спасибо. – Голос девушки, наряд которой представлял собой обычный больничный халат, звучал озадаченно.

«Черт! Промахнулась так промахнулась. Давай, Натка, давай! Ну думай. Так, за мной уже два человека. Парень за спиной нервно дышит мне в ухо. Мозгов это мне точно не прибавит. Не нервничать! Успокоиться! Расслабиться! Глубоко вдохнуть и...»

– Простите, – начала Натка медленно, неуверенно, но верно подбирать слова. – Я ищу сеньору Бибянку. У меня нет ее фамилии. Я знаю: у нее есть ребенок.

Девушка продолжала смотреть на Натку как на умалишенную, но все же спросила:

– Как зовут?

– Бибянка.

– Не сеньору. Ее ребенка.

– Я не знаю. Еще никак. Он... он очень маленький. Он... он... – И уже со слезами в голосе от безысходности Натка закончила: – ...новый.

– *Recién nacido?*¹⁰

По интонации администратора Натка поняла, что между ними установилось понимание, и энергично закивала в ответ. Девушка тут же уткнулась в компьютер и стала искать информацию, сосредоточенно повторяя:

– Бибянка, Бибянка, Бибянка.

Через несколько минут она оторвалась от экрана и объявила:

– Извините, сеньора, никакой Бибянки в нашем родильном отделении нет.

– Но как же? Я ведь... Нет, я совершенно точно...

Мужчину, нервно дышащего в Наткино ухо, спас от эмоционального взрыва звонок ее телефона. Натка вынужденно отошла от окошка и через мгновение услышала в трубке возмущенный голос Паолы:

– Где ты ходишь?

– Я?! Да я уже битый час торчу в этой... больнице. Тут полная неразбериха и никто ничего не знает. А твоя кухня вообще как сквозь землю провалилась.

– Никуда она не проваливалась. Вот лежит передо мной. И малыш с нами. Такой хорошенький. Странно, что я тебя не заметила. Ты где?

– В вестибюле. Стою возле аквариума.

– Где?! У какого аквариума? Там нет никакого аквариума.

– Как это нет, если я возле него стою?

– Ната, в какой ты больнице?

– Дурацкий вопрос! В той, которую ты назвала, – в госпитале Святого Хосе.

– Но я сказала Хуана.

– Хосе.

¹⁰ Новорожденный? (исп.)

– Хуана. Бибьянка лежит в госпитале Святого Хуана. Отойди от аквариума, садись в машину и рули к нам. Подъедешь, позвони, я спущусь в вестибюль и встречу тебя. И, пожалуйста, не ищи там аквариума, – Паола захихикала и повесила трубку.

Натка вышла из больницы и поехала домой. Возможно, навещать людей в больницах не ее конек, но благодаря несостоявшемуся визиту она впервые выдавила из себя несколько испанских слов без какой бы то ни было подготовки. Она ощущала себя вправе считать урок пройденным. А еще Натка вспомнила о другой несостоявшейся встрече, которая гораздо важнее свидания с сеньорой Бибьянкой. Об этой женщине она не знает ничего, кроме имени. А вот о сестре Натка знает практически все. Аленка боялась темноты и всегда просила Натку подкрасться к двери и открыть «масюсенькую щелочку». У нее непослушные волосы и привычка сдвигать со лба падающие на глаза вихры. В третьем классе она несколько часов плакала из-за потерянной тетради по математике и, когда Натка обнаружила ту за батареей, обещала «крепко и горячо любить старшую сестру всю жизнь». Аленка обожала фильм «Белорусский вокзал» и группу «Наутилус Помпилиус». Она брала Натку за руку, смотрела в глаза и проникновенно пела о том, что у них на двоих одно лишь дыхание. И сестры дружно, обнявшись, дышали в унисон, зная, что при необходимости каждая сможет отдать другой последние капли живительного кислорода. И пусть последние пятнадцать лет прошли у них без родства душ и обмена эмоциями, но впереди еще, даст бог, много времени, чтобы прошлое помогло забыть о настоящем и исправить будущее.

Натка быстро проехала через Жирону и вырулила на набережную. Она остановила машину, спустилась к пляжу, сняла босоножки, осторожно ступила на теплый песок, пропуская его между пальцами ног, будто пробуя на вкус. Потом пошла нерешительно, медленно, спокойно, а затем все быстрее, быстрее, энергичнее и мощнее. И вот она уже бежала к морю, а добежав, упала у кромки воды, зачерпнула руками холодную соленую воду, обрызгала щеки, волосы, шею и растянулась на песке, подставив лицо горячему солнцу. Впервые за долгое время Натка почувствовала, что его лучи греют не только тело, но и душу.

Урок № 4

Когда она вернулась домой (в помятом, испачканном платье, с довольной улыбкой на лице), Андрея уже не было.

«Смылся по делу или на всякий случай», – подумала Натка, взглядом исследуя пустой кабинет мужа. «Скорее всего, сбежал от греха подальше». Андрей всегда так делал: предпочитал не выяснять отношений и прятаться от проблем, замалчивать, а не решать. Любой психолог скажет, что это неправильно, но ведь Андрей умнее всех психологов, вместе взятых. Он вообще умнее всех. Конечно, человек, пробившийся сам к вершинам своей профессии, вправе считать себя умнее других. В данном случае, Натка уверена, умнее других архитекторов. Но Андрей почему-то лучше врачей знает, как правильно лечить грипп, лучше охотников понимает, как приманить зверя (сам он ни разу не был на охоте), лучше сантехников разбирается в устройстве посудомоечной машины (он ее, конечно, подключил после недельной возни и Наткиного внушительного молчания), лучше повара умеет готовить крем-брюле (сахар пережжен, в ванили комочки). Натка мужем гордится. Он очень эрудирован, образован и практически всегда с энтузиазмом делится своими знаниями. А еще заносчив, самовлюблен и упрям. Раньше Натке даже нравились эти качества. Мужчина должен уметь настаивать на своем и проявлять характер. А теперь ее такое поведение раздражает. Нет, неверно! Оно ее просто бесит! Мужчина должен быть решителен, но спокоен, тверд, но мягок, уперт, но не упрям. И, конечно же, он просто обязан быть влюблен, только не в самого себя и даже не в свою обожаемую работу, а в живущую рядом женщину. Хотя бы на том основании, что без женщины мужчина перестает быть мужчиной. А если хочешь быть им, люби, преклоняйся, цени, общайся, делай комплименты, да просто разговаривай, в конце концов.

Раньше у них как-то находились темы для общения. Обсуждали художников, теорию Дарвина, гений Циолковского и повадки дельфинов. Вместе запоем читали книги и смотрели фильмы, спорили о том, что творится в голове Аллена и Альмодовара, вдвоем чертили Андрюхины проекты. Вернее, чертил он, а Натка высказывала мнение. Чаше восхищалась, но слушалась и критика. Критика, которую он с трудом терпел, но, бывало, и принимал, признавал правоту Наткиных суждений, называл жену своим гениальным советчиком, своей музой, своей спасительницей. Говорил, что не построил бы без нее ни одного оригинального здания, чертил бы скучные коробки с малогабаритными квартирками и, скорее всего, чувствовал себя абсолютно реализованным. А с ней хотелось добиться большего, стать непохожим на других.

Он добился. Он стал. А все остальное, то, что двигало и вдохновляло, вдруг куда-то ушло. Натка и не заметила, когда у них иссякли темы для бесед. Она не знала, почему они перестали обсуждать политику, искусство или хотя бы новый просмотренный фильм. Нет, пожалуй, про фильм знала: они просто очень давно не смотрели вместе кино. У него работа, у нее дети, а вечером доползти бы до кровати. А там дежурный поцелуй куда-то в угол глаза, быстрое «Спокойной ночи» (не дай бог, что-то еще придет в голову), и скорее, скорее в объятия Морфея. Конечно, они обменивались информацией. Все, как должно быть в приличной семье: здоровье и успеваемость детей, свежий анекдот и новости из жизни друзей. Вот только проекты свои Андрей показывать жене перестал, а она перестала спрашивать у него, какое платье надеть на завтрашние переговоры. Раньше всегда говорил:

– Надень зеленое – подчеркнет и глаза, и фигуру.

Или:

– Темно-синее и туфли еще в тон, замшевые на шпильке.

– Андрюш, на переговоры на шпильке?

– Арабы тебе будут только благодарны, подпишут контракт, не моргнув глазом.

А вот еще:

- Надевай красное. Случай подходящий.
- В красном как-то вызывающе.
- У тебя же вечернее мероприятие. Для ужина в ресторане самое то.

Вот так было раньше. А потом он стал отмахиваться от жены, как от назойливой мухи. Говорил, что ей все идет, что у нее прекрасный вкус, и вообще просил не беспокоить «всякой ерундой». И как это Наткина жизнь превратилась в ерунду? Хотя во что бы она ни превратилась, Андрей принимал в ней хоть какое-то участие, хоть чем-то интересовался, хотя бы о чем-то разговаривал. А в Испании замолчал окончательно. Словно счел свою миссию выполненной. «Вот, дорогая. Привез тебя к морю, поселил в шикарном доме. Живи хорошо и, пожалуйста, оставь меня в покое. Да, ну и радуйся, конечно. Непременно радуйся. А почему бы тебе не радоваться при таких замечательных условиях? Дети почти выросли, муж как бы есть, но ничем не мешает. Красота! Я думаю, ты должна прекрасно себя чувствовать».

Да уж. Прекраснее не бывает. Когда с тобой молчат, лучше просто некуда. А когда от назревшего разговора убегают, как от прокаженного, то это должно веселить и окрылять почище любого водевиля. Все так. Только петь и плясать Натке почему-то не хочется. Она была бы не против узнать, где муж провел прошлую ночь и почему не позвонил. Да! И еще! Куда, интересно знать, он уехал в субботу днем, даже не предупредив для порядка о том, что «срочная работа не терпит отлагательств»?

«Трусит», – решила Натка. Всегда и во всем правый, уверенный в себе и самовлюбленный мужчина оказался на поверку наибанальнейшим трусом, испугавшимся осуждающих взглядов и вопросов собственной «никчемной» жены. «Ничего, дорогой. Рано или поздно тебе придется с ними столкнуться».

Неожиданно Натке стало весело. Она почувствовала себя хозяйкой положения, от воли которой теперь зависит многое. Натка скинула с себя грязную одежду, приняла душ, выжала в красивый большой стакан гранатового сока (гранаты из собственного сада – еще один плюс всезнайке Андрею) и вместе со стаканом, рискуя облить красными каплями белоснежный диван в гостиной, исполнила несколько па. Все это время она безостановочно напевала строчку из новомодного дуэта Рианны и Эминема. Пела, конечно, женскую партию.

- I love the way you lie¹¹, – тихонько мурлыкала.
- I love the way you lie, – выводила красивым грудным голосом.
- I love the way you lie, – орала что есть мочи и кружилась так, что пара капель сока все же оставила отметины на бежевом ковре.

Песнопения прервал звонок телефона. Паола рвала и метала, говорила, что у Натки зашли шарики за ролики. Она так и произнесла: «Шарики за рыйолики», чем вызвала у подруги новый приступ безудержного веселья. Спohватившись, Натка попросила Паолу простить ее за безответственное поведение и, конечно, пообещала исправиться, а главное, непременно рассказать о причинах своего безрассудства. «Но это как-нибудь потом, потом, потом». А сейчас у нее есть и силы, и время, и (ура!) желание для выполнения очередного задания. Кажется, Натка вошла во вкус.

Очередные переведенные фразы заставили ее задуматься:

Вы устали. Отдохните.

И никаких объяснений. Как это понимать? Поехать на пляж и завязать знакомство с кем-нибудь из загорающих или с официантом прибрежной кафешки? Или наведаться в музыкальный магазин и попытаться объяснить продавцу, что она без ума от Анны Герман? Вероятно, он знает, кто это такая, и даже отыщет на полках запылившийся диск. А может, сходить в

¹¹ Мне нравится, как ты врешь (англ.).

кино? Точно. Вот взять и пойти в кино, попробовать понять если не текст, то хотя бы сюжет. Ведь говорят же, что через какое-то время начинаешь понимать дикторов телевидения. Так. Стоп. Телевидение. Вот оно – спасение. Уж очень не хочется снова одеваться, приводить себя в порядок и уезжать из дома. Куда лучше свернуться калачиком на диване. Да здравствуют голые ноги, неуложенные волосы и старый халат! К тому же это верный шанс не пропустить возвращения Андрея. А если пойти в кино, то есть риск потом обнаружить его дома спящим и снова не получить никаких объяснений.

Натка отправилась в комнату к сыну. Только у него и можно было пожить местными телеканалами. В гостиной правил бал спутник, благодаря которому Натка следила за перипетиями героев российских сериалов и болела за участников всевозможных шоу. Валерка же сразу отказался от антенны, заявив, что «этого добра» – сериалов и шоу – хватает на любом телевидении. «А еще тут ведущие круче».

– Так они же говорят по-испански! – изумилась Натка.

– Потому и круче.

Что ж, поглядим на крутизну.

Она включила телевизор и через несколько секунд с удивлением разглядывала испанский вариант шоу «Кто хочет стать миллионером?». Пары минут оказалось достаточно для того, чтобы понять: единственное отличие – язык. В остальном же – оформление студии, музыка, правила – российская и испанская передачи полностью совпадали. Это было закономерно: правообладатель, продавая свое детище, диктовал определенные условия, и покупатели их принимали. Но неужели манера ведения передачи тоже входила в список предъявленных требований? Испанский ведущий – обаятельный мужчина примерно пятидесяти лет – умело держал интригующие паузы, смотрел на игрока проникновенным взглядом, наполненным одновременно и сочувствием, и хитрецей, и, судя по бесконечному сомнению, написанному на лице участника, пытался с абсолютно невинным видом окончательно его запутать. От момента вопроса до финального ответа проходило так много времени, что Натка, не торопясь, успевала посоветоваться с Гуглом и не только прояснить для себя суть вопроса, но и найти на него правильный ответ. Она забавлялась таким образом минут двадцать, пока неожиданно не почувствовала себя уставшей. Несмотря на развлекательный характер передачи, Натка продолжала работать. Это не отвечало требованиям задания, и она с некоторым сожалением (вошла во вкус) переключила канал.

Здесь громко пела какая-то местная поп-группа. Для того чтобы снова воспользоваться помощью переводчика, надо было выдернуть из контекста хотя бы несколько связных фраз. Но Натка, как ни напрягалась, не смогла уловить ничего членораздельного, кроме двух «amor»¹² и одного «un beso»¹³. Решив, что «любовь везде одинакова», она со спокойной душой продолжила свое путешествие по местному телевидению. Натка понаблюдала за тем, как сурикаты спасаются от тигров (ни те ни другие испанским не владели), почувствовала рыдающей девушке, постоянно повторяющей сквозь слезы, что «Jose es una mierda»¹⁴, и даже списала с экрана рецепт запеченной телятины с розмарином, в искусстве приготовления которой соревновались местный шеф-повар и очаровательная домохозяйка. «Освою, – подумала Натка, – и тоже отправлюсь на состязание». Она, естественно, имела в виду язык, а не мясо. С мясом ее отношения давно были налажены, и испортить их не могло даже то, что в последнее время мало кто хвалил Наткину стряпню.

¹² Любовь (*исп.*).

¹³ Поцелуй (*исп.*).

¹⁴ Хосе – дерьмо (*исп.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.